

18+

Юрий Драздов

Кровавый фарм-сервер: Новый виток

Юрий Драздов

**Кровавый фарм-
сервер: Новый виток**

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Кровавый фарм-сервер: Новый виток / Ю. Драздов —
«Издательские решения»,

Бывший Архитектор, когда-то управлявший смертями в Пантеоне через систему тотализатора, лишился своего дара. Потеряв всё — уровень, власть и навык «Анализ слабости» — он становится изгоем, санитаром в «Госпитале для отверженных» на окраине Разрушенного Форпоста. Вместе с верным полевым хирургом Айлой он пытается искупить прошлое, обучая нулевых новичков выживанию без магии и системных интерфейсов. Но остановить бесконечный цикл насилия, в котором смерть — лишь разменная монета.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Госпиталь для отверженных	6
Часть 1. Дорога в ничто	7
Часть 2. Лазарет в руинах	10
Часть 3. Школа для расходников	14
Часть 4. Вечерние беседы	17
Часть 5. Слепое пятно	19
Часть 6. Эпилог: Дождь	22
Глава 2. Школа тактики	23
Часть 1. Пустота после работы	24
Часть 2. Анатомия без интерфейса	29
Часть 3. Практика на грани	33
Часть 4. Небоевой опыт	36
Часть 5. Новый путь	41
Часть 6. Признание	43
Глава 3: Тотализатор-феникс	44
Часть 1. Пепел и семена	45
Часть 2. Система и её тени	50
Часть 3. Эхо старого мира	55
Глава 4. Чума	60
Часть 1. Переносчик	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Кровавый фарм-сервер: Новый виток

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1035-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Госпиталь для отверженных

Часть 1. Дорога в ничто

Серая мгла Пустошей, казалось, была единственной константой этого мира. Она не менялась в зависимости от времени суток, не реагировала на смену сезонов, не расступалась перед ветром. Она просто была — вездесущая, всепроникающая, равнодушная ко всему живому. И двое путников, медленно бредущих по выжженной, потрескавшейся земле, были частью этого пейзажа — такими же серыми, такими же незаметными, такими же лишёнными какой-либо пафосной героики.

Арт шёл первым. Его шаг был неровным, припадающим на левую ногу — та старая рана, полученная ещё во время первого рейда в Бездну, давала о себе знать в сырую погоду. Он опирался на самодельную трость — грубый, неотёсанный сук, который он подобрал на обочине тракта несколько дней назад. Трость была неудобной, кора на ней уже начала крошиться, но она выполняла свою функцию — помогала ему не упасть, когда головокружение или боль в мышцах становились невыносимыми. Он не жаловался. Он вообще редко жаловался, и Айла, шедшая в нескольких шагах позади, знала это лучше всех.

На нём была простая дорожная одежда — грубая коричневая куртка из дублёной кожи, такие же штаны, стоптанные сапоги. Ничего, что указывало бы на его прошлое. Ни перстня Гаррона, оставленного на столе в пустом кабинете. Ни серой робы Архитектора, навсегда повешенной в шкаф. Ни «Шёпота смерти» — клинок из хребта Костяного Змея он отдал Марте перед уходом, сказав, что ей он пригодится больше. Единственной вещью, связывавшей его с прошлым, был тонкий, почти незаметный рубец на шее — след от скальпеля, который он сам приставил к своему горлу на Арене. Рубец затянулся, но кожа вокруг него навсегда осталась бледнее, чем на остальном теле, и при резких движениях он всё ещё ощущал лёгкое натяжение — словно сама смерть, однажды коснувшаяся его, оставила метку на память.

Айла шла за ним. Её походка была более уверенной, но и в ней чувствовалась усталость — та особая, глубинная усталость, которая накапливается не за один день пути, а за месяцы, годы, за всю жизнь, полную борьбы и потерь. Она была одета в такой же простой дорожный плащ, какой носила в Бездне, — серый, потёртый, с несколькими аккуратными заплатками на локтях. Её волосы, обычно собранные в тугий узел, сейчас были небрежно переброшены через плечо и прихвачены кожаным шнурком. В них уже пробивалась первая седина — серебряные нити на тёмном фоне, которые она не пыталась скрывать. Она несла за спиной походный мешок с инструментами и скудными припасами, а на поясе у неё висел единственный оставшийся клинок — её собственный «Шёпот смерти», с которым она не расставалась ни на минуту.

Они шли молча. Не потому что им нечего было сказать друг другу — за месяцы, проведённые вместе, они научились говорить без слов. Просто каждый из них был погружён в свои мысли, и эти мысли были созвучны. Они думали о том, что оставили позади. О Форпосте, который теперь жил своей жизнью. О Корде, Марте, Шене, Кире — людях, которые когда-то были их подчинёнными, а теперь стали самостоятельными лидерами. О бесконечном сером небе над головой, которое не менялось никогда. И о дороге, которая вела их не вперёд — в прошлое.

Туда, где всё началось. В стартовую локацию. В Разрушенный Форпост.

Арт остановился на вершине невысокого холма и оперся на трость, переводя дыхание. Айла подошла и встала рядом. Перед ними, в низине, раскинулась знакомая картина — руины,

которые когда-то были первым оплотом человеческой цивилизации в этом секторе. Теперь вокруг руин вырос целый городок — хаотичный, грязный, перенаселённый. Десятки, если не сотни временных построек лепились друг к другу, как ласточкины гнёзда. Дым от костров поднимался в серое небо десятками струек. Слышны были крики — не боевые кличи, а обычный городской шум: торговцы зазывали покупателей, кто-то спорил, где-то плакал ребёнок, а где-то, на дальней окраине, раздавались звуки короткой стычки и визг падальщика.

И над всем этим, как немой укор, возвышались каменные остовы старых зданий — те самые, которые Арт помнил с первого дня своего пробуждения в Пантеоне. Тогда, много месяцев назад, он стоял здесь, испуганный и дезориентированный новичок, только что получивший свой навык и не понимавший, что с ним делать. Теперь он стоял здесь снова — но уже без навыка, без страха и без иллюзий. Он знал, что его ждёт. Знал, что это место — не начало пути, а его завершение. Завершение долгого, мучительного цикла, который он сам разорвал ценой всего, что имел.

— Это оно? — спросила Айла, хотя и так знала ответ.

— Да, — ответил Арт. — Стартовая локация. Разрушенный Форпост. Отсюда я начал.

— И сюда ты решил вернуться.

— Да.

Айла помолчала, разглядывая открывшуюся картину. Затем она повернулась к нему и спросила — без упрёка, без сарказма, просто чтобы понять:

— Почему именно сюда? В секторе десятки городов, сотни деревень. Можно было уйти куда угодно. Почему ты выбрал место, где всё началось?

Арт не ответил сразу. Он смотрел вниз, на руины, и его глаза — серые, усталые, но всё ещё сохранившие тот особый, аналитический блеск, который не мог погасить даже нулевой уровень, — скользили по улицам, постройкам, людям. Он видел то, чего не видела она. Не через навык — навыка больше не было. Через опыт. Через понимание того, как устроен этот мир.

— Потому что это место — сердце проблемы, — произнёс он наконец. — Посмотри туда. Видишь ворота?

Айла прищурилась. У главных ворот, ведущих в руины, толпилась группа людей — человек двадцать, не меньше. Они были одеты в лохмотья, некоторые — в стандартную экипировку новичков, которую Система выдавала при первом входе в игру. Они жались друг к другу, испуганно озирались по сторонам, а несколько человек, судя по жестам, о чём-то спорили со стражниками. Стражники — двое вооружённых мужчин в кожаных доспехах — стояли у входа, скрестив руки на груди, и явно не собирались их пропускать.

— Беженцы? — предположила Айла.

— Новички, — поправил Арт. — Только что пробудившиеся. Они не знают правил этого мира, не знают, куда идти. Им нужна помощь, но её негде получить. Городские гильдии не берут

нулевых — они невыгодны. Лекари требуют плату. Ветераны смотрят на них как на расходный материал. И единственное, что их ждёт, — это смерть. Быстрая или медленная, неважно.

Он указал тростью на другой конец улицы, где двое мужчин выносили из ворот чьё-то тело, завернутое в грязную ткань.

— Вот так. Каждый день. Десятками. Сотнями. И всем плевать. Потому что так устроена Система. Она провоцирует смерть, потому что смерть порождает борьбу, а борьба — это суть игры. Но если кто-то просто... поможет им выжить... — Он не закончил фразу. В этом не было нужды.

Айла кивнула. Она понимала его без слов — как понимала всегда. Затем она поправила ляжку мешка на плече и спросила — уже деловым, профессиональным тоном:

— Где разместимся?

Арт обвёл взглядом руины. Его внимание привлекла одинокая башня на западной окраине, у самой границы городка. Она была старой, полуразрушенной, с провалившейся крышей и обвалившимся вторым этажом. К ней никто не приближался — возможно, считали её проклятой, или просто она была слишком далеко от основных улиц, чтобы представлять ценность для торговцев и гильдий.

— Там, — сказал он, указывая тростью. — У неё крепкие стены и есть подвал. Подвал — это важно. Там можно хранить припасы и укрывать раненых во время налётов.

— С чего ты взял, что там есть подвал?

— Я здесь уже был. Давно. Тогда здесь был склад «Костоломов». Они использовали башню как перевалочный пункт для контрабанды. После разгрома банды здание забросили, но подвал должен был сохраниться.

Айла посмотрела на него с лёгким удивлением — не потому что он знал эту информацию, а потому что он помнил её. Без навыка, без интерфейса, без «Анализа слабости» его память работала так же остро, как и раньше. Это был не дар Системы. Это был его собственный разум.

— Идём, — сказала она и первой начала спускаться с холма.

Арт последовал за ней.

Часть 2. Лазарет в руинах

Внутри башня оказалась именно такой, какой Арт её помнил — и одновременно гораздо хуже. Воспоминания обладают свойством сглаживать острые углы, и то, что когда-то казалось просто «заброшенным зданием», сейчас предстало во всей своей удручающей реальности. Каменные стены, грубые и неровные, были покрыты толстым слоем копоти — следы старых костров, которые «Костоломы» жгли прямо на полу. В нескольких местах кладка обрушилась, и сквозь дыры в стенах проникал холодный ветер, завывавший в пустых проёмах. Пол был усеян мусором — щепками, обломками старой мебели, ржавыми гвоздями и осколками глиняной посуды. В углу валялся истлевший скелет какого-то мелкого зверя — то ли собаки, то ли падальщика, забравшегося сюда в поисках укрытия.

Пахло плесенью, старой гарью и запустением. Но под всем этим Арт уловил ещё один запах — слабый, почти неуловимый, но знакомый. Запах старой крови. Он был здесь всегда, впитавшись в камень за годы, когда это место использовали бандиты для своих тёмных дел.

Айла обвела взглядом помещение. Её лицо, как всегда, было холодным и отстранённым, но Арт знал: она уже просчитывает варианты. Где поставить операционный стол. Как организовать освещение. Где хранить инструменты. Её разум работал так же методично, как и его собственный когда-то.

— Подвал? — спросила она коротко.

Арт указал тростью на дальний угол, где в полу зиял тёмный провал. Каменная лестница, крутая и скользкая от сырости, уходила вниз. Они спустились — Арт осторожно, опираясь на трость, Айла впереди, освещая путь слабым магическим огоньком, который она создала на кончике пальца. Этот фокус не был навыком — просто элементарное заклинание, доступное даже нулевым.

Подвал оказался на удивление сухим и просторным. Здесь не было окон, и единственным источником света был огонёк Айлы, но даже в этом тусклом освещении Арт разглядел, что пол здесь каменный, а стены — крепкие, без видимых повреждений. Идеальное место для хранения припасов. И для укрытия раненых, если начнётся налёт.

— Сойдёт, — констатировала Айла и, не теряя времени, начала подниматься вверх. — Нужна вода. И свет. И стол. И койки. И...

— Всё будет, — перебил её Арт. — Но сначала — вода и свет. Без воды мы не сможем обрабатывать раны. Без света — не сможем работать ночью. Остальное подождёт.

Они принялись за работу.

Арт, преодолевая боль в ноге и общую слабость, взялся за самое тяжёлое. Он расчистил пол от мусора, сгрёб щепки и обломки в кучу у входа — позже это можно будет использовать как растопку. Он нашёл старую, разохшуюся дверь, валявшуюся у стены, и, поднатужившись, уложил её на два каменных блока, создав импровизированный стол. Он разыскал в углу ржавый металлический прут и использовал его как рычаг, чтобы приподнять и подвинуть несколько

тяжёлых каменных плит. Он развёл огонь в очаге, который когда-то был частью старого камина, и теперь в башне стало чуть теплее и светлее.

Айла тем временем занималась водой и инструментами. Она нашла за башней старый, заросший мхом колодец — вода в нём была мутной и затхлой, но после кипячения становилась пригодной для промывания ран. Она разложила на подоконнике свои инструменты — скальпели, зажимы, пинцеты, несколько ампул с остатками регенератора (последние, что у неё остались, она берегла для крайнего случая). Она нарвала пучки сухих трав, которые росли у стен башни, — полынь, тысячелистник, какие-то местные растения, которые она научилась использовать вместо антисептиков во время походов. Она работала молча, сосредоточенно, и в её движениях была та же уверенность, что и всегда.

Они работали до вечера. Солнце — вернее, то, что заменяло его в этом проклятом мире, — склонилось к горизонту, и серый свет начал тускнеть, сменяясь серыми сумерками. Арт к тому времени уже едва держался на ногах. Его спина ныла от непривычной нагрузки, руки дрожали от перенапряжения, а рубец на шее пульсировал тупой, ноющей болью. Но он не позволял себе останавливаться. Он знал: первый день — самый важный. Если они успеют подготовиться сегодня, завтра смогут принимать пациентов. А пациенты будут — он не сомневался в этом.

И он оказался прав.

Вечером, когда они только закончили обустройство и сидели у очага, переводя дыхание, в дверь постучали.

Стук был робким, неуверенным — так стучат люди, которые не знают, будут ли им рады. Арт и Айла переглянулись. Затем Айла поднялась и открыла дверь.

На пороге стоял молодой парень — почти мальчик, лет семнадцати на вид. Его лицо, бледное и испуганное, было покрыто каплями пота, а глаза бегали по сторонам, словно он ожидал нападения в любой момент. Одной рукой он поддерживал девушку — примерно такого же возраста, с длинными спутанными волосами и лицом, искажённым от боли. Девушка прижимала к животу окровавленную тряпку, и сквозь неё сочилась свежая, алая кровь.

— Помогите, — выдохнул парень, и его голос сорвался. — Пожалуйста... Она... она умирает...

Айла не задавала вопросов. Она просто отступила в сторону, пропуская их внутрь, и указала на импровизированный стол — ту самую дверь, которую Арт уложил на камни.

— Клади её сюда. Быстро. И держи за руку — будет больно.

Парень подчинился, бормоча слова благодарности. Девушка застонала, когда её укладывали на жёсткую поверхность. Арт тем временем уже пододвинул ближе к столу несколько факелов, которые он успел соорудить из пропитанных смолой тряпок, и теперь в башне стало почти светло. Он поставил рядом таз с горячей водой, которую кипятил на очаге, и разложил на чистой тряпке инструменты Айлы. Он делал это без спешки, но быстро — движения, отработанные за месяцы, проведённые в лазарете Форпоста.

Айла склонилась над пациенткой. Её руки, покрытые шрамами, осторожно убрали окровавленную тряпку, обнажая рану. Арт бросил взгляд и мгновенно оценил ситуацию. Глубокая рваная рана на животе, чуть ниже рёбер. Судя по характеру повреждений — когти падальщика. Опасно близко к печени. Кровотечение обильное, но не фонтанирующее — артерия не задета, иначе она умерла бы ещё по дороге. Шансы есть.

— Свет ближе, — скомандовала Айла, и Арт немедленно поднёс факел так, чтобы его свет падал прямо на операционное поле.

— Воды.

Он подал ей таз. Айла промыла рану, смывая грязь и запёкшуюся кровь.

— Зажим.

Он вложил в её протянутую руку инструмент. Айла, не глядя, нащупала кровоточащий сосуд и пережала его.

— Скальпель.

Арт знал: сейчас она будет расширять рану, чтобы добраться до повреждённых тканей. Он знал также, что девушка без сознания или почти без сознания, но он всё равно наклонился к её лицу и тихо произнёс:

— Держись. Она знает, что делает.

Девушка не ответила. Её лицо было белым, как мел, а дыхание — поверхностным и частым. Но её рука, которую держал парень, чуть сжалась.

Айла работала с той же уверенностью, которую Арт видел десятки раз. Её пальцы, казалось, жили собственной жизнью — каждое движение было точным, выверенным, лишённым колебаний. Она рассекла ткани, добралась до повреждённой мышцы, наложила внутренние швы, используя тончайшую иглу и нить из алхимического шёлка — последнюю, что у неё осталась. Затем она ввела в рану несколько капель регенератора из заветной ампулы — не для полного исцеления, а для того, чтобы запустить процесс восстановления и предотвратить инфекцию. Затем наложила внешние швы, затянула аккуратный узел и обрезала нить.

Операция заняла около получаса. Когда Айла выпрямилась, её лоб был покрыт испариной, а пальцы дрожали от напряжения. Но пациентка дышала. Ровно, спокойно — дыханием человека, который только что перешёл от агонии к целительному сну.

— Жить будет, — произнесла Айла и, взяв чистое полотенце, вытерла руки. — Если не случится заражения. Первые сутки — критические. Нужно наблюдение.

Парень, всё это время стоявший как вкопанный, вдруг рухнул на колени. По его щекам текли слёзы.

— Спасибо... спасибо вам... У меня ничего нет, я не могу заплатить... но я... я отработаю! Я всё что угодно сделаю!..

Айла поморщилась. Она всегда не любила сантиментов.

— Встань, — резко сказала она. — Не унижайся. И убери свои деньги, если они у тебя есть. Здесь не за что платить. Просто... если выживете оба — помогите кому-нибудь ещё. Это и будет плата.

Парень поднялся, всё ещё дрожа, и сжал руку девушки, лежавшей на столе. Он не находил слов, но его лицо выражало такую благодарность, что Арт, глядя на него, почувствовал, как внутри что-то теплеет. Странное, непривычное чувство. Он не мог его классифицировать — он больше не умел классифицировать чувства. Но это было приятно.

Ночь опустилась на башню. Пациентка спала на самодельной койке — Арт соорудил её из досок, найденных в подвале, и старого плаща, которым он пожертвовал. Парень сидел рядом с ней, держа её за руку, и, кажется, тоже дремал. Айла и Арт сидели у очага, глядя в огонь. Они были грязными, уставшими, их одежда была испачкана кровью — чужой кровью, не их собственной. И всё же в этот момент Арт почувствовал то, чего не чувствовал уже очень давно.

Покой.

Не тот, что давала «Анестезия», — холодный, механический, лишённый эмоций. А другой. Человеческий. Покой человека, который устал до предела, но знает, что его усталость не напрасна. Что его работа — вот эта, грязная, тяжёлая, лишённая блеска и славы, — имеет смысл. Гораздо больший смысл, чем все его стратегии, планы и манипуляции вместе взятые.

Айла, словно прочитав его мысли, повернулась к нему и тихо произнесла:

— Ты был прав.

— В чём именно? — спросил он, не отрывая взгляда от огня.

— Во всём. В том, что это место — правильное. В том, что наша работа здесь нужна. В том... — она запнулась, подбирая слова, — ...в том, что это и есть жизнь. Настоящая. Без Системы. Без интерфейсов. Просто... мы. И они. И то, что мы можем сделать.

Арт ничего не ответил. Он просто протянул руку и накрыл её ладонь своей. Она сжала его пальцы в ответ — свои, покрытые шрамами, в его, холодные и дрожащие от усталости.

Так они сидели до рассвета.

Часть 3. Школа для расходников

Прошло несколько недель. Башня на западной окраине, которую они окрестили «Госпиталем для отверженных», постепенно обрала славу — не громкой, не парадной, а той, что передаётся из уст в уста шёпотом, среди тех, кому больше некуда идти. Раненые и больные приходили сюда сами, или их приносили товарищи, или просто оставляли у порога, надеясь на чудо. И чудо происходило — не магическое, не системное, а то, которое творят умелые руки, острый скальпель и упрямая воля.

Айла работала на износ. Она вставала до рассвета и ложилась за полночь, проводя дни в бесконечной череде операций, перевязок, осмотров. Её ученики — сама Кира осталась в Форпосте, но к ней присоединились несколько новичков, проявивших способности к медицине, — помогали, чем могли, но основная нагрузка ложилась на неё. Арт часто слышал, как она разговаривает с пациентами — резко, грубо, без сантиментов. «Терпи, неженка. Если бы тебе действительно было больно, ты бы уже умер». «Заткнись и дай мне работать, или я пришью тебе язык к нёбу». Она никогда не была ласковой, но пациенты выздоравливали. И этого было достаточно.

Арт взял на себя другую роль. Он стал санитаром, завхозом, истопником — всем, кем требовалось. Он промывал раны перед операцией, держал свет, подавал инструменты. Он готовил еду для пациентов — простую, но сытную: кашу, бульон, травяные отвары. Он разводил огонь, таскал воду из колодца, чинил протекающую крышу. Его тело, которое когда-то управляло армиями, теперь занималось самой чёрной работой. И это было... правильно.

Однажды утром, выйдя из башни, чтобы набрать воды, он заметил группу молодых парней и девушек, сидевших у костра на заднем дворе. Он узнал их — это были те самые «отверженные», которых Айла вылечила несколько недель назад. Они уже оправились от ран и теперь, кажется, не знали, чем заняться. Увидев Арта, они притихли, но один из них — тот самый парень, что принёс свою подругу в первый день, — поднялся и подошёл к нему.

— Господин Арт, — произнёс он, запинаясь, — мы хотели спросить...

— Я не господин, — оборвал его Арт. — Просто Арт.

— Хорошо... Арт. Мы хотели спросить... вы не могли бы научить нас? Ну, тому, как выживать. Мы ведь ничего не умеем. Нас никто не учил. А здесь, в этом мире, если ты не умеешь драться, ты — покойник.

Арт посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Парень не отводил глаз. За ним, у костра, остальные смотрели с надеждой.

«Вот оно, — подумал Арт. — Новый цикл. Из этих слабых, испуганных новичков через несколько месяцев вырастут либо жертвы, либо хищники. Либо те, кто пополнит собой кровавую статистику Арены, либо те, кто сколотит банду и начнёт терроризировать соседей. Третьего не дано. Или дано?»

Он вспомнил свой Кодекс. Не Слабостей — тот был написан для того, чтобы убивать. А Выживания — тот, который он диктовал Айле и Кире, лёжа на больничной койке. Тот, который учил не нападать, а защищаться. Не убивать, а уходить. Не доминировать, а сотрудничать.

— Хорошо, — сказал он и, подняв с земли палку, подозвал их к себе. — Смотрите сюда.

Он начертил на утоптанной земле круг.

— Это — вы. А это, — он начертил ещё одну фигуру, обозначающую падальщика, — это ваш враг. Как вы думаете, что нужно сделать, когда он на вас бросается?

— Бежать! — крикнул кто-то.

— Драться! — возразил другой.

— Ни то, ни другое, — холодно ответил Арт. — Если вы побежите, он догонит вас — он быстрее. Если вы попытаетесь драться в лоб, он разорвёт вас — он сильнее. Вы — не бойцы. У вас нет ни уровней, ни навыков, ни опыта. Ваша сила не в мышцах. Она здесь. — Он постучал палкой по своему виску. — И вот здесь. — Он постучал по земле, по схематическому рисунку.

— Падальщик атакует всегда справа. У него слепое пятно на левый бок — из-за того, как устроены его глаза. Если вы сделаете шаг не назад, а влево, и одновременно пригнётесь, он пролетит мимо. Его инерция пронесёт его дальше, и у вас будет несколько секунд, чтобы либо ударить его под колено — вот сюда, — либо убежать в другую сторону. Но не по прямой. Зигзагом. Понятно?

Они кивнули, зачарованно глядя на его чертежи. Арт продолжил:

— Ваша задача — не победить. Ваша задача — не умереть. Победа — это для тех, у кого есть уровни и снаряжение. У вас их нет. Поэтому вы не будете героями. Вы будете выживальщиками.

Он провёл с ними следующие два часа, показывая простейшие приёмы. Как развести огонь без магии, используя трут и кремень. Как найти воду в Пустошах по поведению насекомых. Как плести силки из подручных материалов. Как оказывать первую помощь при отравлении. Он говорил просто, грубо, иногда резко — но каждое его слово было выверено опытом и стоило дороже золота для этих отверженных, обречённых Системой на роль пушечного мяса.

Когда урок закончился, парень, задавший первый вопрос, подошёл к нему.

— Спасибо. За всё. За неё, — он кивнул в сторону башни, где его подруга всё ещё восстанавливалась после операции, — и за это. За то, что вы делаете. Никто никогда не учил нас... нас, нулевых. Мы для них — расходный материал.

Арт посмотрел на него. На его юное, испуганное, но полное решимости лицо. На его руки, которые дрожали, но сжимались в кулаки. И он вспомнил. Вспомнил себя — много месяцев назад, на этом самом месте. Такого же испуганного. Такого же нулевого. Такого же одинокого.

— Я тоже когда-то был нулевым, — тихо произнёс он. — Меня никто не учил. Я научился сам. А теперь... теперь я учу вас. Это — мой способ платить по счетам.

Парень смотрел на него с таким выражением, словно перед ним стоял не уставший, хромающий санитар в старой кожаной куртке, а живая легенда. Возможно, так и было.

Часть 4. Вечерние беседы

Ночь опустилась на башню. Пациенты спали на своих койках, ученики разошлись по своим углам, и только Арт и Айла, как всегда, сидели у очага. Это стало их ритуалом — каждый вечер, после долгого дня, полного крови, пота и боли, они усаживались у огня и говорили. Или молчали. И то, и другое было одинаково ценно.

Сегодня Айла была особенно уставшей. Она сидела, откинувшись на спинку грубого деревянного стула, и смотрела в огонь отсутствующим взглядом. Её руки, сложенные на коленях, всё ещё дрожали после многочасовой операции. Арт знал этот симптом — переутомление, которое накапливается незаметно, а потом обрушивается разом.

— Ты должна отдыхать больше, — произнёс он.

— Ты тоже, — парировала она, не оборачиваясь.

— Я отдыхаю. Сегодня я всего лишь прочитал лекцию и натаскал воды.

— И перевязал троих пациентов, и приготовил ужин на двенадцать человек, и починил крышу. Я видела.

— Крыша не течёт. Это главное.

Айла слабо усмехнулась. Затем её лицо снова стало серьёзным.

— Я получила весточку из Форпоста, — произнесла она. — От Шена. Он прислал гонца сегодня утром, пока ты был занят.

Арт напрягся. Вести из Форпоста приходили редко, и каждая была на вес золота.

— Что он пишет?

— Корд создал Совет. Официально. Марта — его правая рука. Рун взял на себя тренировку ополченцев. Шен возглавил разведку. Кира и её маги организовали гильдию — что-то вроде магической поддержки для новичков. Они называют это «Кругом Света». — Айла усмехнулась. — Пафосно.

— Зато звучит обнадеживающе, — заметил Арт.

— Да. — Айла помолчала. — Ещё он пишет, что Арена реформирована. Казни больше нет. Только изъятие навыков. Как ты и предлагал.

Арт медленно кивнул, переваривая информацию. Он не чувствовал ни гордости, ни удовлетворения. Только странное, отстранённое любопытство. Словно он читал хронику далёкой страны, с которой его больше ничто не связывало.

— И тотализатор? — спросил он.

— Тотализатор-феникс. Ирма запустила его неделю назад. Ставки на рейды «без смертей». Говорят, популярность бешеная. Даже нейтралы из других секторов приходят делать ставки.

Арт хмыкнул. Кто бы мог подумать, что его идея, вывернутая наизнанку, сработает? Не убивать ради прибыли, а спасать ради неё же. Ирония, достойная Архитектора.

— Ты скучаешь по этому? — спросила Айла, поворачиваясь к нему.

— По чему именно?

— По власти. По тому, что ты был... Архитектором.

Арт долго молчал, глядя в огонь. Языки пламени танцевали на почерневших поленьях, отбрасывая на стены дрожащие тени.

— Я скучаю по иллюзии контроля, — произнёс он наконец. — По тому чувству, когда ты знаешь всё наперёд. Когда ты можешь просчитать каждый ход, каждую вероятность, каждый исход. Это было... опьяняюще. Это давало ощущение силы. Абсолютной, ничем не ограниченной силы. — Он сделал паузу. — Но это была иллюзия. Я не контролировал ничего. Я просто был винтиком в огромной машине, которая перемалывала людей. И я думал, что я — оператор этой машины. А на самом деле я был её топливом. Таким же, как все остальные.

— А сейчас? — тихо спросила Айла.

— Сейчас я просто санитар. Я промываю раны и чиню крышу. И знаешь что? Мне это нравится больше.

Айла посмотрела на него с тем самым выражением, которое он видел всего несколько раз в жизни. Нежность. Гордость. Любовь. Всё вместе.

— Из тебя вышел неплохой санитар, — сказала она, повторяя свою старую шутку.

— А из тебя — отличный хирург, — ответил он, повторяя свою.

Они улыбнулись друг другу — устало, но искренне. И в этот момент, в полумраке старой башни, пропитанной запахом трав и старой крови, они были счастливы.

Часть 5. Слепое пятно

Недели тянулись за неделями. Госпиталь работал на пределе возможностей, но пациентов становилось всё больше. Слухи о «бесплатном лекарстве для отверженных» расходились по сектору, и к башне стекались те, кому больше некуда было идти. Айла и её ученики едва справлялись, даже с помощью Арта. Инструментов не хватало, регенераторы давно кончились, а травы, которые Айла использовала для своих снадобий, приходилось собирать в Пустошах, рискуя нарваться на падалыщиков.

Однажды вечером, когда Арт помогал Айле с очередным пациентом, в башню ворвалась группа ополченцев. Они внесли на носилках женщину — пожилую, с глубокими ранами на груди и животе. Её кожа была бледной до синевы, а дыхание — едва уловимым.

— Мы нашли её у восточных ворот, — торопливо объяснил один из ополченцев. — Говорит, что на неё напали какие-то твари. Не падалыщики — что-то другое. Она бредит, ничего не понятно.

Айла склонилась над женщиной, быстро оценивая повреждения. Арт, стоявший рядом, видел то же, что и она. Глубокие колотые раны. Ожоги по краям — словно кожа была прожжена чем-то едким. И странный, зеленоватый налёт на ранах, который пульсировал слабым, почти незаметным свечением.

— Это не обычные твари, — произнесла Айла, и в её голосе прозвучала тревога. — Это что-то новое.

Она работала несколько часов. Арт ассистировал, подавая инструменты и промывая раны, но с каждым часом становилось яснее: они проигрывают. Кровотечение удалось остановить, но зеленоватый налёт на ранах не смывался, не поддавался никаким антисептикам, и, кажется, распространялся всё глубже в ткани. Айла попыталась иссечь поражённые участки, но это было всё равно что вычерпывать воду из тонущей лодки — зараза уходила глубже, в мышцы, в органы, в кровь.

— Я не вижу, — вдруг произнесла она, и её голос дрогнул.

Арт поднял на неё глаза. Айла стояла, склонившись над пациенткой, и её руки, всегда такие уверенные, сейчас дрожали. Она смотрела на рану, но словно не понимала, что видит.

— Я не вижу, — повторила она. — Что это? Как оно распространяется? Где его источник? Я не понимаю. Я режу вслепую. Если бы у меня был... если бы у меня был сканер...

Она не договорила. Арт понял без слов. Она говорила о системном сканере — том самом, который позволял ей видеть анатомию пациента на голографической панели, определять уязвимые места, находить скрытые патологии. У неё больше не было этого сканера. Его забрали вместе с её официальным статусом «полевого хирурга», когда они покинули Форпост. Всё, что у неё осталось, — её собственные знания, опыт и интуиция. Но сейчас этого было недостаточно.

Через два часа пациентка умерла.

Айла отошла от стола, стянула перчатки и села в углу, обхватив голову руками. Арт никогда не видел её такой. Она всегда была скалой — негибимой, холодной, уверенной в себе. Но сейчас она выглядела сломленной. Не физически — морально.

— Я не смогла, — произнесла она, и её голос прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. — Я не смогла её спасти. Если бы у меня был сканер... если бы я могла видеть, что происходит внутри...

— Ты сделала всё, что могла, — тихо сказал Арт, опускаясь на корточки рядом с ней.

— Этого недостаточно! — резко ответила она, поднимая на него глаза. В них стояли слёзы — редкие, скупые, которых она никогда не позволяла себе раньше. — Я — врач. Я должна спасать. А я... я просто стояла и смотрела, как она умирает. Потому что я слепа. Потому что у меня больше нет того, что делало меня лучшей.

Арт не нашёл слов. Он просто взял её за руку и сжал — крепко, надёжно. Она не оттолкнула его.

В эту ночь он не мог уснуть. Он лежал на своей койке в углу башни и смотрел в темноту. Его мысли метались, словно испуганные птицы. Он думал об Айле. О её отчаянии. О её бессилии. И он думал о том, что чувствовал то же самое. Не сейчас — раньше, когда был Архитектором. Когда он смотрел на мир через «Анализ слабости» и видел всё: уязвимости, вероятности, исходы. Когда он мог предсказывать будущее с точностью до долей процента. Тогда он тоже чувствовал себя всемогущим. И тогда же он чувствовал себя абсолютно, бесконечно одиноким.

Теперь у него не было навыка. Но у него была она. И то, что он видел в её глазах сегодня, было хуже любой потери. Это было осознание собственной беспомощности. Той самой, которую он сам испытал, когда впервые открыл глаза после контакта с Виктором и не обнаружил ни интерфейса, ни «Анестезии», ни «Анализа». Только пустоту.

Он встал и подошёл к окну. Серое небо над Пустошами было всё таким же безжизненным. Где-то там, за горизонтом, всё ещё стоял Форпост. Где-то там всё ещё работал тотализатор. Где-то там новые игроки входили в этот мир, полные страха и надежды. А он, Архитектор, который когда-то управлял судьбами тысяч, сейчас сидел в развалинах и не мог помочь одной-единственной женщине.

Или мог?

Он задумался. Его разум, лишённый системной поддержки, работал медленнее, чем раньше, но всё ещё остро. Он прокручивал в голове детали сегодняшней операции. Зеленоватый налёт. Странное свечение. Характер распространения — не через кровь, а вдоль нервных волокон. Это была не инфекция, не яд. Это было что-то другое. Что-то, что он уже видел раньше.

Разлом. Бездна. Энергия Пустоты.

Он резко повернулся и разбудил Айлу.

— Я знаю, что это, — произнёс он, и в его голосе прозвучала та самая, давно забытая уверенность. — Это не чума. Это заражение энергией Бездны. Такое же, как у «искажённых» в Пустошах. Только медленное. Оно распространяется не через кровь, а через нервные узлы. Если мы сможем блокировать нервные окончания вокруг раны, мы остановим его.

Айла проснулась мгновенно, словно и не спала. Её глаза, ещё красные от слёз, смотрели на него с напряжённым вниманием.

— Блокировать нервные узлы? Чем? У нас нет магии, нет регенераторов, нет...

— У нас есть скальпель, — перебил её Арт. — И у нас есть ты. Ты — лучший хирург в этом секторе. Ты можешь сделать то, что не может магия. Иссечь поражённые нервы до того, как зараза распространится дальше.

Айла долго молчала, обдумывая его слова. Затем она медленно кивнула.

— Это рискованно. Очень рискованно. Если я ошибусь, пациент останется парализованным. Но... — она запнулась, — ...ты прав. Это единственный шанс.

Она встала и направилась к операционному столу, на ходу засучивая рукава.

— Тогда не стой столбом. Готовь инструменты.

Арт усмехнулся. Да, это была та Айла, которую он знал.

Часть 6. Эпилог: Дождь

Прошло ещё несколько дней. Новая методика, предложенная Артом, сработала. Пациенты с заражением энергией Бездны выживали — не все, но большинство. Айла снова обрела уверенность в себе, а Арт — странное, непривычное чувство удовлетворения. Он снова был полезен. Не как Архитектор, не как гений, не как манипулятор. Просто как человек, который заметил то, чего не заметили другие.

В один из вечеров зарядил дождь. Он барабанил по каменной крыше башни, заливая порог и превращая землю во дворе в грязное месиво. Уроки пришлось отменить, пациенты попрятались под навесами, и Арт с Айлой сидели в сухом углу у очага. Она штопала свою старую робу, он чинил сломанный костыль для одного из пациентов.

В дверь постучали.

На пороге стояла Кира. Промокшая, запыхавшаяся, но сияющая — так, как она сияла всегда, когда приносила хорошие новости.

— Я не могла не прийти, — выпалила она, переводя дыхание. — Я узнала, что вы здесь, и... и я должна была рассказать вам! Совет принял новую резолюцию. Они запретили казни на Арене! Вообще! Только изъятие навыков! И ещё... ещё они утвердили ваш Кодекс Выживания как обязательное пособие для всех новичков! Представляете? Ваш Кодекс! В каждом стартовом инвентаре!

Она говорила ещё что-то, но Арт слушал вполуха. Его взгляд был устремлён на дождь за окном. Он думал о том, что его наследие — не империя, не тотализатор, не Арена. Его наследие — это книга, которая учит выживать. И женщина, которая сидит рядом с ним и штопает робу.

Айла перехватила его взгляд и улыбнулась — той самой редкой, почти незаметной улыбкой.

— Ты счастлив? — спросила она, когда Кира наконец ушла.

Арт обнял её за плечи и притянул к себе. Она положила голову ему на плечо. Дождь всё барабанил по крыше, но в башне было тепло и сухо.

— Да, — ответил он. — Это самое счастливое время в моей жизни.

И впервые за долгую, мучительную, полную крови и лжи жизнь он говорил правду. Чистую, простую, незамутнённую никакими расчётами.

Правду человека, который наконец-то научился жить.

— —

Конец Главы 1. Госпиталь для отверженных.

Глава 2. Школа тактики

Часть 1. Пустота после работы

Тишина в башне стояла такая глубокая, что Арт слышал, как оседает пыль. Это не было похоже на тишину лазарета, где всегда присутствовал фоновый шум — дыхание пациентов, шаги Айлы, скрип половиц под ногами учеников, размеренное пульсирование «Сердца Змеи». Это была тишина заброшенного места. Места, из которого ушла жизнь.

Он лежал на своей койке и смотрел в потолок. Старая привычка — просыпаться до рассвета, когда Айла начинала утренний обход. Тело помнило этот ритм, даже когда разум не находил в нём смысла. Госпиталь закрыли три дня назад. Айла и Кира уехали в Форпост на ежегодный медицинский совет — формальность, которой Айла сопротивлялась до последнего, но в конце концов сдалась после того, как Кира прислала третье письмо с пометкой «срочно». Она взяла с собой Лину и Тима — пусть посмотрят на большой мир, сказала она, пусть поучатся у настоящих магов. Эл и его подруга Мира отправились в соседний сектор за припасами. Рик, самый младший из учеников, исчез ещё раньше — Арт подозревал, что парень просто боится оставаться в башне один и предпочёл уйти с караваном охотников, которые предложили ему место проводника.

Арт остался один.

Это было странное чувство. Не одиночество — одиночество он испытывал много раз, даже когда вокруг были люди. Скорее, это была пустота. Отсутствие цели. Отсутствие задачи. Раньше каждый его день был расписан по минутам: стратегии, планы, расчёты, манипуляции. Потом, в госпитале, каждый день был заполнен работой санитара — грязной, тяжёлой, изматывающей, но необходимой. А теперь не было ни того, ни другого. Он был просто человеком, лежащим на койке в пустой башне, и мир вокруг него, казалось, замер в ожидании.

Он сел и спустил ноги на пол. Движение отозвалось привычной болью в левом бедре — та самая старая рана, которая ныла в сырую погоду. Он потянулся за тростью — старой, грубой палкой, которую подобрал на обочине тракта несколько месяцев назад. Кора на ней уже начала крошиться, а рукоять, которую он кое-как обмотал тканью, протёрлась до дыр. Он посмотрел на неё с каким-то отстранённым любопытством. Символ его падения. Символ его новой жизни. Он опёрся на неё и встал.

Башня встретила его привычным запахом — сушёные травы, старая кровь, плесень, дым очага. Он медленно обошёл помещение, проверяя то, что уже проверял вчера и позавчера. Крыша не течёт. Запасы трав в порядке. Инструменты Айлы убраны в ящик и накрыты чистой тканью. Всё было на своих местах, и всё было не нужно. Госпиталь закрыт. Пациентов нет. Работы нет.

Он подошёл к окну и выглянул наружу. Серое небо над Пустошами было всё таким же безжизненным, как и всегда. Внизу, у подножия башни, ветер гонял по земле клубы пепла. Вдалеке, на главной улице стартовой локации, кипела обычная жизнь — торговцы зазывали покупателей, ополченцы патрулировали периметр, кто-то спорил, кто-то смеялся, кто-то плакал. Жизнь продолжалась. А он стоял у окна и не знал, что делать с этой жизнью.

Раньше у него всегда был план. Всегда. Даже в самые тёмные моменты, даже когда всё шло не так, у него был следующий шаг. Просчитать вероятности, оценить ресурсы, выбрать

оптимальную стратегию. Это было его сутью. Его даром. Его проклятием. Теперь дара не было. Стратегий не было. Плана не было. И он не знал, что с этим делать.

Он отошёл от окна и занялся делом. Не потому что это было нужно — потому что не мог сидеть без дела. Он развёл огонь в очаге, хотя в башне было не холодно. Он подмёл пол, хотя пол был чист. Он перебрал запасы трав, хотя перебирал их вчера. Он починил расшатавшуюся ножку стула, хотя стул мог подождать. Он делал всё это медленно, методично, словно пытаясь заполнить действиями ту пустоту, которая образовалась внутри.

К вечеру он вымотался. Физически — потому что тело, лишённое системных бонусов, быстро уставало. Ментально — потому что его разум, привыкший к постоянной стимуляции, не находил себе применения. Он сел у очага и уставился в огонь. Языки пламени танцевали на почерневших поленьях, отбрасывая на стены дрожащие тени. Он смотрел на них и думал.

Он думал об Айле. О том, как она, уезжая, обернулась в дверях и сказала: «Не натвори глупостей, пока меня не будет». О том, как она улыбнулась — той самой редкой, почти незаметной улыбкой, которую он видел всего несколько раз. О том, как она сжала его руку на прощание — крепко, надёжно, по-свойски. Она не говорила «я люблю тебя». Она никогда не говорила этого словами. Но каждое её действие, каждый взгляд, каждый жест говорили об этом громче любых слов.

Он думал о Форпосте. О том, как Корд и Марта управляли городом без него. О том, как Кира стала главой магической гильдии. О том, как Шен, бывший хамелеон и тень, теперь возглавлял разведку. О том, как тотализатор-феникс, запущенный Ирмой, превратился в самую честную экономическую систему на сервере. Его детище жило своей жизнью, и эта жизнь была лучше, чем всё, что он мог бы для него спланировать.

Он думал о Викторе. О том, как тот стоял на коленях в центре Арены, сломленный и опустошённый. О том, как он коснулся его груди и вытянул навек — не для того, чтобы убить, а для того, чтобы освободить. О том, как его тело рассыпалось на пиксели, и последнее слово, которое он прошептал, было «спасибо». Арт не знал, заслужил ли он это спасибо. Но он знал, что смерть Виктора — какой бы она ни была — не была напрасной.

Он думал о себе. О том, кем он был и кем стал. Архитектор. Букмекер среди трупов. Аналитик, который видел слабости всего сущего и использовал их для власти. Всё это было в прошлом. Теперь он был просто Артом. Санитаром. Истопником. Человеком, который промывает раны и чинит крышу. И он не знал, кто он такой на самом деле.

Ночь опустилась на башню. Арт сидел у огня, глядя в темноту, и чувствовал, как внутри него что-то зреет. Не план. Не стратегия. Что-то другое. Что-то, чему он пока не мог дать названия.

В дверь постучали.

Стук был робким, неуверенным — так стучат люди, которые не знают, будут ли им рады. Арт медленно поднялся, опираясь на трость, и подошёл к двери. Открыл.

На пороге стояли четверо. Трех он узнал сразу — Эл, Тим и Лина, его бывшие пациенты, которые помогали в госпитале и которым он дал несколько уроков выживания. Они были

одеты в ту же потрёпанную одежду, что и всегда, но в их позах было что-то новое. Какая-то решимость. Какая-то напряжённая, почти отчаянная готовность.

Четвёртого он не знал. Это был мальчишка лет пятнадцати, худой как жердь, с бледным лицом и огромными, испуганными глазами. Его одежда — стандартная экипировка новичка, которую Система выдавала при первом входе в игру, — была изорвана и испачкана. На левой руке виднелась свежая царапина, кое-как перевязанная грязной тряпкой. Он жался к Элу, словно боялся, что его прогонят.

— Господин Арт, — произнёс Эл, и его голос, хоть и дрожал, звучал решительно. — Мы пришли просить вас.

— Я не господин, — машинально ответил Арт. — Просто Арт.

— Просто Арт, — поправился Эл и сделал шаг вперёд. — Мы пришли просить вас... научить нас.

Арт прищурился.

— Я уже учил вас. Уклонение, чтение следов, первая помощь. Что ещё?

— Это не всё, — вмешалась Лина, выступая вперёд. Её глаза, обычно мягкие и добрые, сейчас горели странным, лихорадочным огнём. — То, чему вы нас учили, — это основы. Этого хватает, чтобы не умереть сразу. Но мы хотим большего. Мы хотим научиться выживать по-настоящему. Понимать этот мир. Читать его так, как читали вы. Без интерфейса. Без навыков. Просто... головой.

— Мы пытались сами, — добавил Тим, и в его голосе прозвучала горечь. — Пытались применять то, что вы показывали. Но этого мало. Мы не знаем, как анализировать. Как предсказывать. Как понимать, что собирается делать монстр, ещё до того, как он это сделает. Мы... мы слепые. И если вы не научите нас видеть, мы так и останемся слепыми. И рано или поздно умрём.

Арт перевёл взгляд на мальчишку. Тот стоял, втянув голову в плечи, и смотрел на него с таким выражением, словно перед ним был не хромой санитар в старой кожаной куртке, а живое божество.

— А это кто? — спросил Арт.

— Это Рик, — ответил Эл и положил руку на плечо парня. — Мы нашли его у восточных ворот. Он только что пробудился. Его группу перебили падальщики в первом же рейде. Он единственный, кто выжил. Спрятался под трупом и пролежал так несколько часов, пока мы не нашли его. Он... он никому не нужен. Как и мы.

Рик вздрогнул при этих словах и опустил глаза. Его губы задрожали, но он не заплакал. Арт видел таких раньше — сломленных, но не сдавшихся. Тех, кто прошёл через ад в первые же минуты своего существования в Пантеоне и теперь не знал, как жить дальше.

Он долго молчал, глядя на них. Четверо отверженных. Четверо «расходников», как их называли ветераны. Четверо людей, которых Система обрекла на смерть. И они пришли к нему — к бывшему Архитектору, который сам был теперь никем, — просить о помощи.

Что-то внутри него дрогнуло. Он не мог это классифицировать — он больше не умел классифицировать чувства. Но это было похоже на... ответственность? Нет, не так. Скорее, на узнавание. Он смотрел на них и видел себя. Того себя, который много месяцев назад стоял на этом самом месте — испуганный, дезориентированный, ничего не понимающий. Того себя, у которого не было ни наставника, ни учителя, ни друга. Того себя, который выжил только благодаря дару — и который, возможно, погиб бы без него.

— У меня нет навыка, — произнёс он наконец. — Я не смогу научить вас тому, что когда-то умел сам. Я больше не вижу слабостей. Не вижу вероятностей. Не вижу Системной Паутины. Всё, что у меня есть, — это опыт. И логика. И память.

— Нам этого достаточно, — твёрдо ответил Эл. — Мы не просим сделать нас героями. Мы просто хотим выжить.

Арт снова замолчал. Он думал об Айле. О том, что она сказала бы, увидев эту сцену. «Не будь идиотом. У тебя едва хватает сил на себя. Куда тебе учить других?» А потом она бы вздохнула, закатила глаза и добавила: «Но если ты решил, то делай это как следует. Не позорь моё имя».

— Хорошо, — произнёс он. — Но у меня есть условия.

Четверо пар глаз уставились на него с надеждой и страхом.

— Первое. Вы не будете платить мне. Ни деньгами, ни едой, ни услугами. Всё, что вы добудете, вы будете делить между собой. Я не хочу быть вашим командиром или вашим благодетелем. Я буду только инструктором. Понятно?

Они закивали.

— Второе. Вы будете слушаться меня беспрекословно. Не потому что я умнее или сильнее — я не умнее и не сильнее. А потому что я знаю этот мир лучше вас. И если я скажу «замри» — вы замрётё. Если я скажу «беги» — вы побежите. Без вопросов. Без колебаний. В бою колебания убивают. Понятно?

Снова кивки.

— Третье. Вы не будете героями. Забудьте о славе, о подвигах, о великих битвах. Ваша цель — не победить. Ваша цель — не умереть. Вы будете учиться не атаковать, а уклоняться. Не убивать, а выживать. Если кто-то из вас хочет стать великим воином — ему не ко мне. Понятно?

— Понятно, — хором ответили они.

Арт посмотрел на Рика. Тот всё ещё дрожал, но в его глазах — огромных, испуганных, — затеплилась слабая искра надежды.

— Завтра на рассвете, — сказал Арт. — У восточных руин. Не опаздывать.

Они ушли, рассыпавшись в благодарностях. Арт закрыл дверь и вернулся к очагу. Он сел и долго смотрел в огонь, прежде чем уснуть. Он не знал, правильно ли поступил. Не знал, справится ли. Не знал, не подвергает ли он этих молодых людей ещё большей опасности, внушая им ложную надежду. Но он знал одно: завтра у него будет дело. Завтра у него будет цель. И это было лучше, чем пустота.

Часть 2. Анатомия без интерфейса

Рассвет застал Арта на ногах. Он проснулся рано, по привычке, и первым делом проверил запасы — хотя проверять было нечего, госпиталь закрыт, пациентов нет. Затем он вышел во двор и несколько минут стоял, глядя на серое небо. Ветер был холодным и пронизывающим, но он не обращал на это внимания. Его мысли были заняты предстоящим уроком.

Он не готовился к нему заранее. Не составлял план. Не просчитывал варианты. Раньше, когда он был Архитектором, каждое его действие было частью стратегии. Теперь стратегии не было. Был только он, его опыт и четверо испуганных учеников, которые ждали его у восточных руин.

Они пришли раньше него. Все четверо — Эл, Тим, Лина и Рик, — стояли у подножия полуразрушенной сторожевой башни, которая когда-то была частью внешнего периметра Разрушенного Форпоста. Они заметно нервничали. Эл, самый старший и самый решительный из них, пытался сохранять спокойствие, но его пальцы, теревшие край куртки, выдавали напряжение. Тим и Лина, как всегда, держались вместе — они стояли плечом к плечу, словно поддерживая друг друга. Рик жался к ним, втянув голову в плечи, и бросал испуганные взгляды по сторонам.

— Доброе утро, — произнёс Арт, подходя.

Они вздрогнули от неожиданности. Он двигался бесшумно — старая привычка, которая осталась с ним даже после потери навыков.

— Д-доброе утро, господин Арт, — пробормотал Эл.

— Я же сказал: не господин. Просто Арт. Повтори.

— Доброе утро... Арт, — исправился Эл, и остальные подхватили приветствие.

Арт кивнул и, не теряя времени, направился к открытому пространству между руинами. Здесь земля была утоптанной и ровной — идеальное место для тренировок. Он остановился и поднял с земли длинную палку.

— Садитесь, — сказал он, указывая палкой на землю перед собой.

Они послушно уселись, скрестив ноги. Арт остался стоять. Он не был хорошим оратором — он был аналитиком. Его сила была в цифрах и фактах, а не в речах. Но сейчас, глядя на эти четыре пары глаз, устремлённых на него с надеждой и страхом, он понимал: цифры здесь не помогут. Им нужно нечто иное. Им нужна уверенность. Им нужно знание, которое они могут потрогать руками.

— Прежде чем мы начнём, — произнёс он, — я хочу, чтобы вы поняли одну вещь. Вы — не бойцы. У вас нет уровней, нет навыков, нет боевого опыта. В прямом столкновении с любым монстром вы проиграете. Это не ваша вина — так устроен этот мир. Система даёт силу тем, кто уже силен, и отнимает её у тех, кто слаб. Это порочный круг, и вы — его жертвы.

Он сделал паузу, давая им осмыслить услышанное.

— Но это не значит, что вы обречены. Потому что реальная сила — не в уровнях и не в навыках. Реальная сила — вот здесь. — Он постучал палкой по своему виску. — И вот здесь. — Он указал на глаза. — Ваш главный инструмент — это ваша способность наблюдать, анализировать и делать выводы. Если вы научитесь этому, вы сможете выжить даже там, где погибнут опытные ветераны. Потому что ветераны полагаются на силу. А вы будете полагаться на знание. И знание, в конечном счёте, всегда побеждает силу. Понятно?

Они закивали. Рик, который до этого сидел, втянув голову в плечи, чуть выпрямился. Арт заметил это и удовлетворённо кивнул.

— Хорошо. Тогда начнём с самого простого. — Он начертил палкой на земле круг. — Это — вы. А это, — он начертил ещё одну фигуру, примитивную, но узнаваемую, — падальщик. Самый распространённый монстр первого уровня. Вы все с ним сталкивались. Эл, расскажи мне о падальщике. Всё, что ты знаешь.

Эл вздрогнул от неожиданности, но быстро собрался.

— Ну... он размером с крупную собаку. У него серая шерсть, красные глаза, острые когти. Он быстрый, нападает стаями. Слабые места — брюхо и горло. Если ударить туда, он...

— Стоп, — оборвал его Арт. — Ты говоришь то, что написал бы новичок в своём первом отчёте. Это бесполезно. Я хочу, чтобы ты рассказал мне о падальщике не как о монстре, а как о живом существе. Как он двигается? С какой стороны атакует? Что делает перед тем, как напасть? Как реагирует на громкие звуки? На резкие движения? На неподвижную цель?

Эл замялся.

— Я... я не обращал внимания.

— Именно. — Арт обвёл взглядом всех четверых. — Вы не обращаете внимания. Вы видите монстра и думаете: «Он опасен, нужно драться или бежать». И в этом ваша главная ошибка. Потому что драться вы не умеете, а бежать — не всегда возможно. Но есть третий вариант. Вы можете прочесть монстра. Понять его логику. Его инстинкты. Его привычки. И использовать это знание, чтобы не стать его добычей.

Он опустился на корточки и начал чертить на земле более детальную схему. Его палка двигалась быстро, уверенно, оставляя на утоптанной земле чёткие линии.

— Смотрите сюда. Падальщик — падальщик, а не хищник. Он не охотится ради удовольствия. Он охотится, потому что голоден. Это значит, что он не будет рисковать без необходимости. Если он видит лёгкую добычу — он атакует. Если добыча кажется опасной — он отступает. Ваша задача — казаться опасным, даже если вы таковым не являетесь. Как это сделать?

Он указал на схему.

— Во-первых, осанка. Не сжимайтесь, не втягивайте голову в плечи. Расправьте плечи, поднимите голову, смотрите прямо. Для падальщика это сигнал: «Я готов к бою». Он может отступить только от одного этого.

Рик, слушавший с открытым ртом, машинально расправил плечи. Арт заметил это и одобрительно кивнул.

— Во-вторых, голос. Не кричите от страха — кричите от ярости. Низкий, громкий, агрессивный звук. Падальщики боятся громких звуков, потому что в их естественной среде обитания громкий звук означает либо крупного хищника, либо обвал. Используйте это.

— В-третьих, движение. Никогда не поворачивайтесь к падальщику спиной. Никогда не убегайте по прямой — он быстрее вас. Если вам нужно отступить, делайте это медленно, лицом к нему, не показывая страха. Если он всё-таки атакует — уклоняйтесь влево. У падальщика слепое пятно на левый бок, потому что его правый глаз развит лучше. Я проверял это лично. Много раз.

Ученики слушали затаив дыхание. Они никогда не слышали ничего подобного. Никто и никогда не объяснял им, как устроены монстры. Для всех обитателей Пантеона монстры были просто препятствием — чем-то, что нужно убить, чтобы получить опыт и лут. Но Арт говорил о них как о живых существах со своими инстинктами, привычками, слабостями.

— Теперь более сложный пример, — продолжил он и начертил на земле новую фигуру — длинную, извивающуюся, с множеством конечностей. — Костяной ползун. Уровень пять-шесть. Вы вряд ли сталкивались с ним, но рано или поздно столкнётесь. Он опаснее падальщика, потому что у него костяная броня и он не чувствует боли. Но у него есть две критические уязвимости.

Он ткнул палкой в схему.

— Первое: он слеп. У него нет глаз. Он ориентируется исключительно по вибрации. Если вы замерёте и перестанете двигаться, он вас не увидит — в буквальном смысле. Вы станете для него частью ландшафта. Второе: его костяная броня тяжела. Он не может быстро поворачивать. Если вы бросите камень в сторону, он пойдёт на звук, и у вас будет несколько секунд, чтобы уйти.

— Это всё? — удивлённо спросил Тим. — Просто замереть и бросить камень?

— Этого достаточно, чтобы выжить, — ответил Арт. — Ты хочешь выжить или хочешь убить его?

— Выжить, — твёрдо ответил Тим.

— Тогда слушай дальше. Пси-оса. Уровень три-четыре. Летающий противник. Она опасна тем, что атакует сверху, и её трудно достать обычным оружием. Но у неё есть характерный паттерн атаки. Перед тем как спикировать, она всегда делает «нырок» — резкое снижение на несколько метров. Это занимает около полутора секунд. Если вы заметите этот нырок и немедленно упадёте на землю, она пролетит мимо. Её инерция не позволит ей резко изменить траекторию.

Он выпрямился и обвёл учеников взглядом.

— Вы видите закономерность? Падальщик атакует справа. Костяной ползун идёт на звук. Пси-оса делает нырок перед атакой. У каждого монстра есть свой паттерн. Свой «язык». Если вы научитесь читать этот язык, вы сможете предсказывать их действия. А предсказание — это половина победы.

— А вторая половина? — спросила Лина.

— Вторая половина — это не паниковать, — просто ответил Арт. — Но этому я научу вас позже.

Часть 3. Практика на грани

Теория длилась около часа. Арт говорил медленно, методично, периодически задавая вопросы, чтобы проверить, насколько ученики усвоили материал. Эл отвечал лучше всех — у него была цепкая память и острый ум, который, возможно, развился бы в нечто большее, если бы у него был навык. Тим и Лина, как всегда, дополняли друг друга: Тим лучше понимал тактику, Лина — поведенческие паттерны. Рик молчал, но его глаза — огромные, испуганные, — смотрели на Арта с таким вниманием, словно каждое его слово было откровением.

Наконец Арт отложил палку и поднялся.

— Теперь практика.

Он подвёл их к импровизированному тренировочному полигону, который он подготовил заранее — ещё затемно, когда они спали. Это была серия препятствий, разбросанных по двору: старые бочки, обломки камней, натянутые между столбами верёвки. В центре стояло грубое чучело, собранное из палок и тряпок, отдалённо напоминавшее падальщика.

— Это — ваш противник, — сказал Арт, указывая на чучело. — Я буду управлять им с помощью верёвок. Моя задача — задеть вас. Ваша задача — не дать себя задеть. Используйте то, что я вам рассказал. Уклонение влево. Падение на землю. Медленное отступление. Громкий крик. Всё, что угодно, — кроме атаки. Вы не будете атаковать. Вы будете уклоняться. Понятно?

— Понятно, — хором ответили они, но в их голосах не было уверенности.

Первым вызвался Эл. Он встал в центре круга, расправил плечи и кивнул Арту. Тот дёрнул за верёвку, и чучело рванулось вперёд, имитируя атаку падальщика справа. Эл, следуя инструкции, шагнул влево и пригнулся. Чучело пролетело мимо, едва не задев его плечо.

— Хорошо, — произнёс Арт. — Но медленно. Падальщик быстрее. Ещё раз.

Эл повторил упражнение. На этот раз быстрее. Ещё раз. Ещё. Он двигался всё увереннее, его тело наконец начинало запоминать правильную траекторию.

— Теперь ты, — сказал Арт и указал на Тима.

Тим вышел в круг. Он был напряжён, его кулаки были сжаты так, что побелели костяшки. Когда чучело рванулось вперёд, он не уклонился — он попытался ударить его, забыв обо всех инструкциях. Верёвка дёрнулась, и чучело, описав дугу, задело его по плечу.

— Стоп! — резко сказал Арт. — Что ты сделал?

— Я... я попытался ударить, — признался Тим, опуская глаза. — Оно летело прямо на меня, и я подумал...

— Ты подумал, — перебил его Арт. — В этом твоя ошибка. Ты не должен думать. Ты должен реагировать. Твой разум слишком медленный. Когда ты видишь атаку, у тебя есть доля секунды. Если ты начнёшь размышлять — «ударить или уклониться?» — ты умрёшь. Твоё тело

должно действовать прежде, чем разум успеет вмешаться. Это называется рефлекс. Рефлекс вырабатывается повторением. Ты понял?

Тим молча кивнул.

— Ещё раз. И без глупостей.

На этот раз Тим справился. Потом Лина. Она была осторожнее Тима, но и менее уверенна. Её движения были скованными, словно она боялась ошибиться. Арт заставил её повторить упражнение пять раз, прежде чем остался доволен.

Наконец настала очередь Рика. Парень вышел в круг, дрожа как осиновый лист. Его лицо было бледным, а глаза — полными ужаса. Он смотрел на чучело так, словно перед ним был не муляж, а живой падающий, готовый разорвать его на части.

— Готов? — спросил Арт.

Рик сглотнул и кивнул.

Арт дернул за верёвку. Чучело рванулось вперёд. Рик закричал — не яростно, не агрессивно, а пронзительно, испуганно, — и бросился на землю, закрывая голову руками. Чучело пролетело над ним и врезалось в бочку.

В наступившей тишине было слышно только тяжёлое дыхание Рика. Он лежал на земле, свернувшись в комок, и дрожал.

Арт подошёл к нему и опустился на корточки рядом.

— Встань, — тихо сказал он.

Рик не пошевелился.

— Встань, — повторил Арт, и на этот раз в его голосе прозвучала сталь.

Рик медленно поднялся на четвереньки, затем на ноги. Его лицо было мокрым от слёз, а плечи тряслись от беззвучных рыданий.

— Ты упал, — произнёс Арт. — Это плохо. Но ты не запаниковал так, чтобы замереть. Ты среагировал — пусть и неправильно. Это уже что-то.

— Я... я ни на что не гоюсь, — прошептал Рик, и его голос сорвался. — Я никогда не смогу... Я трус. Меня нужно бросить здесь. Я всё равно умру.

Арт посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Затем он сказал то, что не говорил никому и никогда:

— Когда я впервые попал в этот мир, я тоже был испуган. До дрожи. До тошноты. Я стоял в руинах, вокруг меня умирали люди, а я не знал, что делать. Мой навык проснулся не сразу.

Первые несколько минут я был просто человеком — слабым, беспомощным, напуганным до смерти. И я думал: «Я умру здесь. Прямо сейчас. Не успев ничего сделать».

Рик поднял на него заплаканные глаза.

— Но я не умер. Потому что рядом со мной оказался человек, который сказал: «Делай, что я говорю, и выживешь». И я делал. Не потому что был храбрым — я не был храбрым. А потому что боялся ещё больше послушаться. И я выжил.

Он положил руку на плечо Рика.

— Ты не трус. Трус — это тот, кто сдаётся, даже не попытавшись. Ты попытался. У тебя получилось плохо, но ты попытался. И пока ты пытаешься, у тебя есть шанс. Понял?

Рик судорожно кивнул, глотая слёзы.

— Тогда встань в круг и сделай это снова. И помни: падалыщик атакует справа. Уклоняйся влево. Не падай. Просто шагни. Я верю, что ты сможешь.

Что-то изменилось в лице Рика. Страх никуда не делся, но рядом с ним появилось что-то ещё. Решимость. Он кивнул и встал в круг.

Арт дёрнул за верёвку. Чучело рванулось вперёд. Рик, стиснув зубы, шагнул влево — и чучело пролетело мимо, даже не задев его.

— Вот так, — произнёс Арт, и в его голосе прозвучало удовлетворение. — Уже лучше.

К вечеру все четверо вымотались до предела. Их одежда была пропитана потом, а мышцы ныли от непривычной нагрузки. Но они были довольны. Они впервые в жизни почувствовали, что могут не просто убегать от опасности, а контролировать её. Что их жизнь зависит не только от удачи, но и от их собственных действий.

Арт сидел у костра, глядя на своих учеников. Эл что-то тихо объяснял Рику, показывая на схему, начерченную на земле. Тим и Лина сидели плечом к плечу, переговариваясь о прошедшем дне. Все они выглядели уставшими, но счастливыми. Впервые за долгое время они чувствовали себя не жертвами, а выживальщиками.

«Вот оно, — подумал Арт. — То, ради чего я здесь. Не власть. Не слава. Не месть. Просто... это. Возможность передать знание. Возможность сделать так, чтобы кто-то выжил там, где должен был умереть».

Он не чувствовал гордости. Только тихое, спокойное удовлетворение. И где-то глубоко внутри — странное, непривычное тепло.

Часть 4. Небоевой опыт

Неделя шла за неделей. Арт проводил тренировки каждый день, и с каждым днём его ученики становились всё увереннее. Эл превратился в неформального лидера группы — он лучше всех схватывал тактику и помогал остальным, когда у них что-то не получалось. Тим и Лина, дополняя друг друга, создали эффективную систему взаимной поддержки: Тим отвечал за анализ угроз, Лина — за эмоциональное состояние группы. Даже Рик, самый слабый из них, постепенно перестал дрожать при каждом резком движении и теперь мог выполнять базовые упражнения без паники.

Арт учил их не только уклонению. Он показывал, как разводить огонь без магии — используя трут и кремень. Как находить воду в Пустошах по поведению насекомых и цвету мха. Как плести силки из подручных материалов. Как читать следы на земле — отличать след падальщика от следа костяного ползуна, определять свежесть помёта, понимать, сколько времени прошло с момента, когда здесь проходил монстр. Всё это были навыки, которые не требовали системного интерфейса. Только внимания. Только памяти. Только опыта.

— Ваша сила — вот здесь, — повторял он каждый раз, указывая на глаза. — И вот здесь. — Он стучал палкой по виску. — Монстры сильнее вас физически. Но вы умнее их. А ум всегда побеждает грубую силу. Если, конечно, ум не паникует.

Однажды утром, когда они только начали тренировку, на площадь перед башней ворвалась группа охотников. Их было пятеро, и они тащили на импровизированных носилках своего товарища. Тот был тяжело ранен — рваные раны на спине и ногах, обильная кровопотеря. Он был без сознания, его лицо было серым, а дыхание — поверхностным и частым.

— Помогите! — крикнул один из охотников, грузный мужчина с густой бородой, обращаясь к Арту. — Вы же лекарь? Вы здесь лечили всех бесплатно? Мы слышали о вас!

Арт посмотрел на раненого. Он не был лекарем. Он был санитаром — и не более того. Айла, главный хирург их маленького госпиталя, была далеко. Инструментов почти не осталось. Регенераторы кончились ещё месяц назад.

— Где это случилось? — спросил он, приближаясь к носилкам.

— В старом коллекторе, у восточных ворот, — ответил бородач. — Мы зачищали его от падальщиков, но там была засада. Эти твари... они поумнели, что ли. Мы едва унесли ноги. И там остались наши припасы — всё наше снаряжение, вода, еда. Мы не можем просто бросить это. Но мы не можем и вернуться туда без подготовки. А с ним... — он кивнул на раненого, — мы не знаем, что делать. У нас нет денег на лекаря в городе.

Арт быстро оценил ситуацию. Раненому нужна была срочная помощь. Госпиталь закрыт. Айлы нет. Из инструментов — только то, что осталось от её походного набора. Он мог попытаться стабилизировать раненого, но для этого требовались ресурсы, которых у него не было.

— В городе есть платные лекари, — произнёс он. — Почему вы не обратились к ним?

— Потому что они дерут втридорога! — воскликнул другой охотник. — Мы не можем себе этого позволить!

Арт задумался. Затем он повернулся к своим ученикам, которые стояли поодаль, наблюдая за происходящим.

— Эл. Тим. Лина. Рик. Подойдите.

Они немедленно приблизились.

— Что вы видите? — спросил Арт, указывая на раненого.

Ученики переглянулись.

— Раненый, — осторожно ответил Эл. — Глубокие раны на спине и ногах. Похоже на когти падалыщика.

— Что ещё?

— Он потерял много крови, — добавила Лина. — Лицо серое. Дыхание частое. Это признаки шока.

— Что нужно сделать в первую очередь?

— Остановить кровотечение, — твёрдо ответил Тим.

— Как?

Тим замялся.

— Жгутом? Или прижать рану...

— У нас нет жгута, — сказал Арт. — И рана на спине — туда трудно надавить. Думайте.

Повисла пауза. Охотники смотрели на них с недоумением, не понимая, почему какой-то хромой старик учит детей прямо над умирающим товарищем.

— Чистая ткань, — внезапно произнёс Рик, и все обернулись к нему. Парень, который ещё неделю назад дрожал от одного вида чучела, сейчас говорил удивительно твёрдо. — Нужно плотно прижать рану чистой тканью и держать, пока кровь не остановится. А потом наложить давящую повязку. И дать ему воды — много воды, чтобы восполнить потерю крови.

Арт посмотрел на него с едва заметным удовлетворением.

— Верно. Эл, у тебя есть чистая ткань?

— Да... кажется, была в сумке, — пробормотал Эл и полез в свой походный мешок.

— Тогда действуйте. Вы все. Окажите ему первую помощь. Я пока поговорю с охотниками.

Ученики, повинаясь приказу, склонились над раненым. Арт отвёл бородача в сторону.

— Я не могу вылечить твоего друга, — сказал он прямо. — Я не лекарь. Я могу только стабилизировать его, чтобы он дожил до города. Но за это ты окажешь мне услугу.

— Какую? — настороженно спросил охотник.

— Мои ученики нуждаются в реальном опыте. Они больше недели тренируются на чучелах и палках. Это неплохо, но этого мало. Им нужно увидеть поле боя. Почувствовать его. Твой коллектор — идеальное место. Если мои ученики помогут тебе вернуть припасы, ты заплатишь им. Не мне — им. Половину того, что вы вернёте. Идёт?

Бородач удивлённо уставился на него.

— Ты хочешь, чтобы я взял этих... этих новичков в бой? Они же дети!

— Они — выживальщики, — холодно ответил Арт. — И они пойдут не в бой. Они пойдут со мной. Я буду координировать. Они будут выполнять.

Бородач долго молчал, разглядывая Арта. Затем перевёл взгляд на учеников, которые уже умело бинтовали раны его товарища, и что-то в его лице изменилось.

— Ладно, — произнёс он наконец. — Пусть будет по-твоему. Но если кто-то из них пострадает — это на твоей совести.

— Я знаю, — ответил Арт.

Через час, оставив стабилизированного раненого на попечение одной из городских травниц, группа выдвинулась к старому коллектору. Арт шёл впереди, опираясь на трость. Его движения были медленными, но целенаправленными. За ним, растянувшись цепочкой, следовали ученики. Охотники замыкали группу.

Когда они приблизились к коллектору, Арт остановился и поднял руку.

— Дальше — тихо. Никаких разговоров. Никаких лишних звуков. Эл, ты впереди. Твоя задача — заметить опасность до того, как она заметит нас. Тим, Лина — прикрываете фланги. Рик — ты со мной, следишь за тылом. И запоминаешь всё, что видишь. Понятно?

Ученики кивнули. На их лицах был страх, но и решимость. Они были готовы.

Внутри коллектора было темно и сыро. Пахло гнилью и какой-то химией. Арт узнал этот запах — так пахли «искажённые» твари, мутировавшие под воздействием энергии Бездны. Значит, слухи о том, что Разлом расширяется, были правдой.

Первое нападение произошло внезапно. Из бокового тоннеля, словно живая волна, хлынули падальщики. Их было не меньше десятка — больше, чем ожидал Арт. Охотники вскинули оружие, готовясь к бою.

— Не атаковать! — резко скомандовал Арт, и его голос, усиленный эхом, разнёсся под сводами коллектора. — Уклонение! Работаем по схеме!

Ученики не подвели. Эл, следуя инструкции, шагнул влево, пропуская мимо первого падальщика, и тут же крикнул: «Справа ещё один!» Тим и Лина, действуя как единый организм, синхронно отступили в стороны, заставляя двух тварей столкнуться друг с другом. Рик, который нёс сумку с припасами, на мгновение замер, но затем, вспомнив урок, швырнул камень в дальний угол. Падальщик, привлечённый звуком, бросился туда, открывая проход.

Но один из падальщиков, самый крупный, прорвался сквозь строй и бросился прямо на Тима. Тот, забыв обо всём, вскинул лук и выстрелил. Стрела попала в плечо, но не остановила тварь.

— Тим, нет! — крикнул Арт, но было поздно.

Падальщик смял Тима и вонзил когти ему в плечо. Тим закричал. Лина, увидев это, бросилась к нему с ножом — тем самым, который она всегда носила за голенищем, — и вогнала лезвие в глаз твари. Падальщик взвизгнул и отшатнулся, давая Элу возможность добить его точным ударом по горлу.

Бой закончился так же внезапно, как начался. Оставшиеся падальщики, потеряв нескольких особей, отступили в темноту тоннелей. В коллекторе воцарилась тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием выживших.

Арт немедленно подошёл к Тиму. Рана была серьёзной — глубокие порезы на плече и груди, обильное кровотечение. Но не смертельная.

— Ты нарушил приказ, — холодно произнёс он, опускаясь рядом с раненым учеником.

— Я... я знаю, — прошептал Тим, морщась от боли. — Я испугался. Я думал, что стрела его остановит.

— Ты забыл главное правило. Ты — не боец. Твоя задача — не убить, а не умереть. Ты попытался драться, и вот результат.

Тим опустил глаза. Лина, которая зажимала его рану, посмотрела на Арта с мольбой.

— Не вините его. Он хотел как лучше.

— «Как лучше» убивает, — резко ответил Арт, но смягчился. — Однако ты спасла его, Лина. И ты, Эл, довершил дело. Вы сработали как группа. Это хорошо.

Он повернулся к Рику. Тот стоял в стороне, бледный как полотно, но на ногах. В его руках всё ещё была сумка с припасами, которую он не бросил даже в разгар боя.

— А ты, — произнёс Арт, — сделал именно то, что должен был. Отвлёк врага и сохранил ресурсы. Без тебя мы могли бы потерять не только припасы, но и кого-то из людей.

Рик не ответил. Он просто смотрел на Арта с выражением, в котором смешались страх, гордость и что-то ещё — возможно, благодарность.

Когда они вернулись в башню — уставшие, израненные, но живые, — Арт помог обработать рану Тима и уложил его отдыхать. Охотники, получив свои припасы, сдержали слово и отдали ученикам половину добычи — немного, но достаточно, чтобы пополнить их скудные запасы.

Вечером, когда все уснули, Арт сидел у очага и смотрел в огонь. Он чувствовал странное, непривычное ощущение. Что-то внутри него менялось. Он не мог это объяснить.

Машинально, по старой привычке, он попытался вызвать интерфейс. И, к своему изумлению, у него получилось.

Интерфейс был не таким, как раньше. Он был простым, минималистичным, почти рудиментарным. Но он был. В строке «Уровень» горела цифра «2». А в логах — несколько записей, которые заставили его сердце биться быстрее.

«Уникальный опыт: успешное небоевое руководство группой. Эффективность тактики: высокая. Сохранено жизней: 5 (включая раненого охотника). Награда: небоевой уровень +1. Достижение „Наставник“ разблокировано».

«Уникальный опыт: обучение базовым навыкам выживания группы новичков. Количество учеников: 4. Прогресс учеников: значительный. Награда: небоевой уровень +1. Достижение „Учитель выживания“ разблокировано».

«Уникальный опыт: успешная координация группы в реальном бою без прямого участия в сражении. Тактика уклонения применена успешно. Потери: 1 легко ранен. Награда: небоевой уровень +1».

Арт перечитал эти строки снова и снова. Система не просто вернула ему интерфейс. Она дала ему опыт. Небоевой опыт. За обучение. За тактику. За сохранение жизней. Это меняло всё. Он мог расти, не убивая. Он мог снова стать сильным, не становясь чудовищем. Он мог оставаться человеком.

И впервые с тех пор, как он потерял свой навык, он почувствовал нечто похожее на надежду.

Часть 5. Новый путь

На следующее утро Арт собрал учеников у башни. Они выглядели отдохнувшими, хотя вчерашний бой всё ещё давал о себе знать — Тим носил руку на перевязи, а Лина то и дело бросала на него тревожные взгляды. Но все держались бодро.

— Сегодня я хочу поговорить с вами не об уклонениях, — начал Арт. — А о будущем. О вашем будущем.

Они насторожились.

— Вы прошли первый этап, — продолжил он. — Вы научились основам. Вы знаете, как читать монстров. Как предсказывать их атаки. Как уклоняться. Вы знаете, как разводить огонь, как находить воду, как оказывать первую помощь. Вы больше не нулевые — не в том смысле, который использует Система, а в реальном, человеческом смысле. Вы — выживальщики.

Он сделал паузу.

— Но есть кое-что, чему я не могу вас научить. Я могу дать вам знание. Я могу дать вам инструменты. Но я не могу дать вам решимость. Не могу дать вам смелость. Не могу дать вам веру в себя. Это вы должны найти сами.

— Мы уже нашли, — тихо произнёс Эл. — Благодаря вам.

— Нет, — покачал головой Арт. — Благодаря себе. Я только показал вам путь. Вы прошли его сами.

Он посмотрел на каждого из них по очереди.

— Теперь пришло время вам учить других. Эл, ты возьмёшь на себя новых новичков — тех, кто придёт сюда за помощью. Ты будешь учить их тому же, чему я учил тебя. Тим и Лина — вы будете отвечать за разведку и сбор трав. Рик... — он задержал взгляд на самом младшем ученике, — ты будешь вести записи. Все уроки, все тактики, все наблюдения. То, что мы здесь делаем, не должно пропасть.

— Как Кодекс? — спросил Рик, и в его голосе прозвучало благоговение.

Арт усмехнулся.

— Как Кодекс. Только не Слабостей. Выживания.

Ученики переглянулись, и Арт увидел в их глазах то, что надеялся увидеть. Не страх. Не неуверенность. А решимость. Решимость продолжать. Решимость расти. Решимость выживать — и помогать выживать другим.

Вечером того же дня, когда ученики разошлись, Арт сидел у очага и смотрел на свою старую трость — ту самую, с облезлой корой и протёртой рукоятью. Он вспомнил, как подобрал

её на обочине тракта несколько месяцев назад, когда они с Айлой только пришли в эти руины. Тогда она была символом его слабости. Его падения. Его потери всего, что он имел.

Теперь она была просто тростью. Инструментом. Ни больше, ни меньше.

Он отложил её в сторону и взял новую — ту, которую ученики подарили ему неделю назад. Крепкую, из тёмного дерева, с удобной рукоятью. Он ещё не привык к ней, но она уже казалась ему... правильной. Как продолжение его нового пути.

Дверь скрипнула, и в башню вошла Айла. Она вернулась из Форпоста раньше, чем ожидалось, и выглядела уставшей, но довольной. Её глаза, холодные и серые, обвели башню — чистый пол, аккуратно сложенные припасы, учеников, которые тихо переговаривались в углу, — и остановились на Арте.

— Ты не натворил глупостей? — спросила она, снимая походный плащ.

— Почти, — ответил он. — Но потом передумал.

Айла усмехнулась и села рядом с ним у очага. Арт рассказал ей всё — об учениках, об уроках, о бое в коллекторе, о небоевом опыте, о том, что Система вернула ему интерфейс и дала уровень. Она слушала молча, и её лицо было бесстрастным, но когда он закончил, она тихо произнесла:

— Ты понял.

— Что именно?

— То, чему я пыталась тебя научить всё это время. Что твоя сила — не в навыке. Не в анализе. Не в манипуляциях. Твоя сила — вот здесь. — Она коснулась пальцами его виска. — И вот здесь. — Она коснулась его груди, там, где билось сердце. — Ты всегда был учителем, Арт. Просто ты слишком долго это отрицал.

Он взял её за руку — свою, всё ещё слабую, в её, покрытую шрамами.

— Спасибо тебе, — произнёс он.

— За что?

— За то, что не дала мне умереть. Тогда, на Арене. И потом, в Бездне. И сейчас, когда я был готов сдаться. Ты всегда была рядом. Даже когда я этого не заслуживал.

Айла посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Затем она наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Заслуживал, — сказала она. — Ты всегда заслуживал. Просто не знал об этом.

Они сидели у огня до глубокой ночи, и в тишине старой башни, пропитанной запахом трав и воспоминаний, было что-то похожее на счастье.

Часть 6. Признание

Прошло ещё несколько дней. Ученики Арта разошлись по своим новым обязанностям. Эл занимался с группой новичков, которые появились у башни, узнав о «бесплатных уроках выживания». Тим, несмотря на раненую руку, помогал Лине собирать травы и составлять каталог лекарственных растений. Рик, вооружившись пером и бумагой, записывал всё, что происходило вокруг, — он решил, что когда-нибудь эти записи станут вторым томом Кодекса Выживания.

Арт наблюдал за ними и чувствовал странное, почти забытое удовлетворение. Не от власти. Не от контроля. От того, что он создал что-то, что переживёт его. Что-то, что имело смысл не только для него, но и для других.

Вечером в башню постучали. Арт открыл дверь и увидел гонца из Форпоста — молодого парня в форме Совета, который тяжело дышал, словно пробежал несколько километров без остановки.

— Архитектор! — выдохнул гонец, и это слово, давно забытое, прозвучало как удар грома. — В Форпосте чрезвычайное положение. Эпидемия неизвестной болезни распространяется по сектору. Совет просит вас вернуться. Немедленно! Айла Мед уже выехала вперёд.

Арт взял свиток из рук гонца, развернул его и пробежался глазами по строкам. Затем он обернулся к своим ученикам, которые замерли в ожидании.

— Уроки отменяются, — произнёс он. — Я должен вернуться в Форпост. Но когда всё закончится, я вернусь сюда. Обещаю.

— Мы будем ждать, — твёрдо ответил Эл, и остальные закивали.

Арт взял плащ, посох и вышел в ночь. Его ждала новая битва — но на этот раз не с монстрами и не с врагами. С болезнью, которая угрожала уничтожить всё, что он построил. И впервые в жизни он шёл на битву не как Архитектор, а как аналитик без интерфейса. Как человек, чья сила была не в навыке, а в разуме. И этого было достаточно.

Глава 3: Тотализатор-феникс

Часть 1. Пепел и семена

Сумерки в Пустошах никогда не были красивыми. Они не несли с собой ни багряных закатов, ни золотистых отсветов на облаках, ни мягкой, убаюкивающей темноты. Здесь, в этом проклятом мире, день просто перетекал в ночь — серый свет становился гуще, тяжелее, словно само небо медленно опускалось на землю, придавливая всё живое к выжженной, потрескавшейся почве. Айла называла это «часом затишья» — временем, когда даже падальщики, вечно кружащие у границ поселений, предпочитали забиваться в свои норы, пережидая этот гнетущий переход. Арт про себя называл это иначе: «часом призраков». Именно в такие минуты прошлое подступало к горлу особенно близко.

Он стоял у окна заброшенной башни и смотрел, как вдалеке гаснут последние огни улиц около Разрушенного Форпоста. В их маленьком госпитале было тихо. Последний пациент — молодой парень с рваной раной бедра, которую Айла зашивала почти час, — забылся тяжелым, но спокойным сном. Тим и Лина, разбиравшие травы в углу, тихо переговаривались о чём-то своём. Рик, склонившись над обгрызенным пером, старательно выводил буквы в своём дневнике. Эл чинил старый кожаный нагрудник у очага. Идиллия, которая ещё полгода назад показалась бы Арту бредом сумасшедшего.

В дверь постучали.

Стук был робким, прерывистым — так стучат люди, которые не уверены, что их вообще пустят на порог. Арт не пошевелился. Он знал, что Айла, сидящая у операционного стола и перебирающая инструменты, не любит гостей в такое время. Но стук повторился, и в нём появилась какая-то отчаянная настойчивость.

— Войдите, — произнёс Арт, не оборачиваясь.

Дверь скрипнула, и в башню, поёживаясь от холода, вошла женщина. Она была одета в простой дорожный плащ из грубой серой ткани, какие носили клерки низшего звена. Капюшон скрывал лицо, но когда она откинула его, свет очага упал на бледные, осунувшиеся черты. Её глаза — серые, как у всех в этом мире, — были красными от усталости или слёз. На скуле виднелся старый, едва заживший шрам. Айла, подняв голову, мгновенно напряглась. Арт узнал этот шрам. И эти глаза.

— Ирма, — произнёс он, и это имя прозвучало в тишине башни как приговор.

Женщина вздрогнула. Она сделала шаг вперёд и остановилась, не дойдя до центра комнаты. Её руки, сжимавшие небольшой свёрток, дрожали. Она явно ожидала, что её прогонят. Возможно, даже ударят.

— Я знаю, что мне здесь не рады, — тихо начала она, и её голос, обычно уверенный и деловой, сейчас звучал надтреснуто. — Я знаю, кто я такая и что я сделала. Я не пришла просить прощения. Потому что не заслужила его. Я пришла предложить... не знаю. Может быть, искупление. Может быть, просто работу.

Айла медленно поднялась со своего места. Её лицо, обычно холодное и отстранённое, сейчас выражало такое презрение, что Ирма невольно отступила на шаг. Арт видел, как пальцы

Айлы сжались в кулак — тот самый кулак, который она сжимала, когда была готова ударить. Или убить.

— Ты была правой рукой Дориана, — произнесла Айла ледяным тоном. — Ты была частью заговора. Ты передавала информацию Скольду. Из-за таких, как ты, мы потеряли десятки людей. Из-за таких, как ты, Корд истекал кровью в восточном крыле. Из-за таких, как ты... — она запнулась, но не закончила фразу. Арт знал, что она хотела сказать: «Из-за таких, как ты, я чуть не потеряла его». — И ты смеешь приходить сюда и говорить об искуплении?

Ирма не отвела взгляда. Она стояла, выпрямившись, и смотрела прямо в глаза Айле. И в этом взгляде не было ни вызова, ни страха. Только глубокая, выжженная усталость. Усталость человека, который прошёл через ад и больше не боится ни боли, ни смерти.

— Я знаю, что я сделала, — произнесла она ровно. — Я не пытаюсь оправдаться. Когда господин Арт... когда Архитектор рассказал правду на весь сервер, я сидела в камере и слушала каждое слово. Я думала, что меня казнят. Я была готова. Но меня не казнили. Меня просто... оставили там. На несколько недель. Одну. С моими мыслями. — Она сделала паузу и перевела дыхание. — И за эти недели я перебрала в голове всё, что сделала. Каждое решение. Каждое предательство. И я поняла, что была инструментом. Сначала Скольда, потом Дориана. Я думала, что служу делу — а я просто была крысой, которая переносит чуму.

— И что же изменилось? — холодно спросила Айла.

— Ничего, — честно ответила Ирма. — Я не изменилась. Я всё та же. Но я могу сделать то, что умею. Единственное, что я умею. Я могу считать. Я знаю Канцелярию. Я знаю протоколы Тотализатора. Я знаю, как работала машина Архитектора. — Она опустила глаза. — И я знаю, как её сломать. Или... перестроить.

В комнате повисла тишина. Даже Рик, который до этого старательно делал вид, что не слушает, поднял голову от своего дневника. Арт, всё это время стоявший у окна, наконец повернулся. Он смотрел на Ирму, и его лицо было непроницаемым. Но внутри него что-то происходило — то самое, старое, почти забытое чувство. Чувство, которое он когда-то называл «аналитическим интересом». Искра. Зацепка. Идея, которая только начинала обретать форму.

— Говори, — коротко приказал он.

Ирма развернула свёрток, который держала в руках. Там были пергаментные листы, исписанные мелким, убористым почерком. Она разложила их на старом деревянном столе. Схема. Подробная, детальная, продуманная до мелочей. Арт подошёл ближе и склонился над ней. Его глаза, всё ещё сохранившие ту особую, аналитическую остроту, даже без помощи Системы, скользили по линиям и цифрам, выхватывая суть.

— Канцелярия Прогнозов мертва, — начала Ирма, водя пальцем по схеме. — После трибунала и отставки господина Арта она развалилась. Большинство клерков либо казнены, либо изгнаны, либо ушли сами, боясь расправы. Но протоколы Тотализатора всё ещё существуют. Они вшиты в Систему. Их нельзя просто стереть. Однако их можно... перепрофилировать.

— Перепрофилировать? — Арт прищурился. — Что ты имеешь в виду?

— Старый Тотализатор был оружием, — сказала Ирма, и в её голосе прозвучала горечь. — Он делал деньги на смертях. Он манипулировал вероятностями. Он создавал иллюзию риска там, где его не было, и иллюзию безопасности там, где риск был смертельным. Господин Арт сам это признал в своей Исповеди. Но что, если изменить саму базу? Что, если тотализатор будет принимать ставки не на смерти, а на выживание?

— Поясни, — потребовала Айла.

— Ставки на рейды, — коротко ответила Ирма. — На PvE-миссии, а не на PvP-бои. Не на то, кто кого убьёт, а на то, что конкретная группа пройдёт конкретный данж без единой смерти. Без потерь. Без жертв. Коэффициент будет рассчитываться на основе публичной статистики — реального опыта бойцов, сложности данжа, подготовки. Никаких скрытых манипуляций. Никакого инсайдерского знания. Только открытые данные.

В комнате снова повисла тишина. Нарушил её Рик, который тихо, почти шёпотом произнёс:

— Это же... это же как в Кодексе Выживания.

Арт перевёл взгляд на своего ученика. Рик сидел с широко раскрытыми глазами, и на его лице было выражение, которое Арт видел всего несколько раз — выражение человека, который только что осознал нечто огромное.

— Именно, — подтвердила Ирма. — В Кодексе написано: «Твоя сила — не в умении убивать, а в умении не умереть». Так пусть тотализатор поощряет именно это. Пусть ставки делаются на тех, кто выживает. Пусть коэффициенты отражают не слабость, а подготовку. Пусть люди вкладывают деньги не в чужую смерть, а в чужой успех. Это... — она запнулась, подбирая слово, — ...это честнее. Я понимаю, что это звучит наивно. Но я просчитала модель. Вот, смотрите...

Она начала показывать расчёты. Арт слушал, задавал вопросы, уточнял детали. Айла стояла в стороне, скрестив руки на груди, и её лицо было всё таким же холодным и отстранённым. Но Арт знал: она тоже слушает. И она тоже понимает.

Когда Ирма закончила, Арт долго молчал. Затем он произнёс:

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе разрешение?

— Я хочу, чтобы вы знали, — ответила Ирма. — Я не прошу вашего благословения. Я не прошу поддержки. Я просто хотела, чтобы вы знали — перед тем, как я начну. Я думаю, вы имеете на это право. Вы создали эту машину. Вы же её и уничтожили. Мне казалось... нечестным просто воскресить её у вас за спиной, ничего не сказав.

Арт медленно кивнул. Он смотрел на Ирму — на эту женщину, которая когда-то была его врагом, а теперь сидела перед ним с чертежами нового мира, — и чувствовал странное, почти забытое ощущение. Уважение. Не к её прошлому, а к её настоящему. К её готовности прийти и сказать правду.

— Я не дам тебе благословения, — произнёс он. — У меня его больше нет. Я не Архитектор. Я не лидер. Я просто санитар.

— Но вы — тот, кто всё это начал, — тихо ответила Ирма. — И я думаю, вы должны знать, чем это закончится.

Она встала, собрала свёрток и направилась к выходу. У двери она остановилась и, не оборачиваясь, добавила:

— Я собираюсь назвать это «Тотализатор-феникс». Знаете, из старой легенды. Птица, которая сгорает дотла и возрождается из пепла. Мне показалось это... символичным.

Она ушла. Дверь закрылась за ней с тихим скрипом. В башне снова воцарилась тишина, но теперь она была иной — не тяжёлой, не давящей, а скорее задумчивой. Тишиной, в которой зрело семя.

Арт стоял у стола, глядя на то место, где только что лежали чертежи Ирмы. Его мысли металась между прошлым и будущим. Он вспоминал. Вспоминал, как сам стоял у истоков Тотализатора. Как делал первые ставки среди трупов. Как превращал смерти в цифры, а цифры — в прибыль. Это было так давно, что казалось сном. Или кошмаром.

— Ты веришь ей? — спросила Айла, подходя ближе.

— Не знаю, — честно ответил Арт. — Но я верю в идею. Тотализатор, который поощряет выживание, а не смерть... это то, что я хотел бы создать, если бы начинал сначала. С чистого листа.

— Ты и начинаешь, — тихо произнесла Айла. — Мы все начинаем.

Ночь опустилась на башню. Рик, Тим и Лина, возбуждённые услышанным, долго не могли уснуть. Они сидели в углу, тихо переговариваясь, и в их глазах горел тот самый огонь, который Арт видел когда-то в своих собственных. Огонь созидания. Огонь надежды.

— Мы должны помочь ей, — вдруг произнёс Эл, откладывая починенный нагрудник. — Мы должны помочь Ирме запустить эту штуку.

— Почему? — спросила Лина, но в её голосе не было сомнения. Только любопытство.

— Потому что это... это то, чему учил нас господин Арт, — ответил Эл и поправился: — Просто Арт. Он учил нас не убивать, а выживать. И помогать выживать другим. А этот тотализатор... он именно об этом. Понимаете? Это шанс. Не для нас — для всех. Для каждого нулевого, которого посылают на смерть и списывают как расходный материал. Теперь у них будет стимул. Не награда за убийство — награда за то, что вернулся живым.

— И за то, что привёл своих живыми, — добавил Тим. — Это меняет всё. Это меняет саму философию рейда.

Арт слушал их, не вмешиваясь. Он сидел у очага, глядя в огонь, и на его лице не отражалось никаких эмоций. Но внутри него что-то теплело. Он смотрел на своих учеников — на

этих молодых, неопытных, ещё вчера перепуганных новичков, — и видел, как они растут. Как они превращаются из жертв в созидателей. Из расходного материала в строителей нового мира. И он понимал: его уроки были ненепрасны.

— Делайте, — произнёс он наконец, не оборачиваясь. — Если вы верите в это — делайте. Но без меня. Я не Архитектор. Я не буду стоять у вас за спиной и поправлять каждую ошибку. Вы должны сами. Сами принимать решения, сами ошибаться, сами исправлять.

— Но вы поможете? — спросил Рик с надеждой.

— Я буду рядом, — ответил Арт. — Но не как лидер. Как наблюдатель.

Эл переглянулся с остальными и решительно кивнул. Этой ночью в старой заброшенной башне, пропитанной запахом трав и воспоминаний о крови, родилось нечто новое. Нечто, что ещё не имело названия, но уже начало дышать.

Часть 2. Система и её тени

Здание старой Канцелярии встретило их запахом пыли и запустения. Когда-то это был центр власти Архитектора — место, где вершились судьбы тысяч игроков, где рассчитывались коэффициенты и плелись интриги, где Скольд, тогда ещё верный соратник, а не предатель, сновал между столами с кипами бумаг. Теперь здесь было пусто. Алхимические горелки потухли, голографические панели отключились, а мебель была свалена в кучи у стен.

Ирма уже ждала их. Она стояла в центре главного зала, окружённая горсткой людей — бывших клерков, которые уцелели после чисток и теперь смотрели на всё происходящее с опаской и недоверием. Здесь были мужчины и женщины, молодые и старые, но всех их объединяло одно: страх. Страх перед прошлым, которое они обслуживали. Страх перед будущим, в котором им не было места.

— Это все, кто согласился прийти, — сказала Ирма, обращаясь к Арту. — Остальные либо ушли, либо боятся. Или ненавидят.

Арт обвёл взглядом собравшихся. Он узнал некоторых. Пожилой мужчина с трясущимися руками — он когда-то отвечал за расчёт коэффициентов для PvP-боев. Молодая женщина с короткой стрижкой — она вела учёт смертей на Арене. Двое близнецов, брат и сестра, которые занимались обработкой статистики по данжам. И ещё несколько человек, чьих имён он не помнил, но чьи лица казались ему смутно знакомыми из того времени, когда он сам стоял на балконе и менял коэффициенты в реальном времени.

— Вы знаете, кто я? — спросил он, и его голос разнёсся под сводами пустого зала.

Они переглянулись.

— Знаем, — ответил пожилой мужчина. — Вы — Архитектор.

— Был им, — поправил Арт. — Теперь я просто Арт. Санитар. И я здесь не для того, чтобы командовать. Я здесь, чтобы сказать вам одну вещь. То, что вы делаете — это ваше дело. Не моё. Я не буду вашим лидером. Я не буду вашим судьёй. Я могу дать совет, если спросят. Но решение принимать — вам. Понятно?

Снова переглядки. Затем пожилой мужчина медленно кивнул.

— Понятно.

Ирма вышла вперёд и развернула свои чертежи на центральном столе. Она начала объяснять. Арт отошёл в сторону и сел на старый, разошедшийся стул у окна. Он наблюдал. Он слушал. Он запоминал. И он молчал.

Работа закипела. Старые протоколы были извлечены из архивов, отключённые интерфейсы снова начали мерцать голубоватым светом. Молодая женщина с короткой стрижкой запустила систему учёта смертей и начала перенастраивать её на учёт выживаний. Двое близнецов спорили о том, как правильно рассчитывать коэффициенты. Пожилой мужчина, который, как выяснилось, обладал феноменальной памятью на цифры, перепроверял их расчёты.

Арт смотрел на это и чувствовал странное, двойственное ощущение. С одной стороны, он видел возрождение того, что сам же и разрушил. Его Тотализатор — машина, которую он создал для манипуляций и обмана, — оживал снова, пусть и в иной, переосмысленной форме. С другой стороны, он видел нечто иное. Новую философию. Новый подход. Эти люди не были Архитектором. Они не были гениями манипуляции. Они были просто клерками, которые пытались сделать работу честно.

И в этом была их сила.

— Проблема, — вдруг произнесла Ирма, и её голос прозвучал напряжённо.

Арт поднялся со стула и подошёл к столу. Она указывала на голографическую панель, где отображалась схема алгоритмов.

— Протоколы не поддаются, — объяснила она. — Система изначально настроена на расчёт боевой эффективности — урон, критические попадания, уязвимости. Она не понимает «выживание» как параметр. Мы не можем просто изменить поле ввода. Нужен обходной путь.

— Используйте данные из Кодекса Слабостей, — произнёс кто-то, и все обернулись.

Это сказал Эл. Он стоял в стороне, но его глаза были прикованы к схеме.

— В Кодексе Слабостей описаны все уязвимости монстров, — продолжил он. — Все атаки, все слабые места. Если мы загрузим эти данные в алгоритм Тотализатора, мы сможем просчитывать не абстрактную «эффективность», а реальные риски. Вероятность того, что конкретная атака достигнет цели. Вероятность того, что игрок, зная уязвимости, сможет её избежать.

Ирма замерла. Она смотрела на Эла с таким выражением, словно увидела призрак.

— Это гениально, — прошептала она. — Но это... это же кощунство. Использовать Кодекс Слабостей, который был библией убийц, как руководство по выживанию.

— Господин Арт говорил, что знание — это инструмент, — возразил Эл. — Инструмент не хороший и не плохой. Всё зависит от того, как его использовать. Мы используем его, чтобы спасти жизни. Разве это кощунство?

В зале повисла тишина. Арт смотрел на своего ученика, и чувство, которое он испытывал, было сложным — смесью гордости и горечи. Гордости за то, что Эл так вырос. Горечи от того, что сам Арт когда-то использовал эти знания для обратного.

— Делайте, — произнёс он, нарушая молчание. — Кодекс — это мой грех. Пусть он станет вашим искуплением.

Близнецы принялись за работу. Они загрузили данные Кодекса Слабостей в протоколы Тотализатора. Алгоритмы, которые когда-то высчитывали наилучший способ убить, теперь высчитывали наилучший способ не умереть. Это была извращённая, почти поэтическая ирония, и Арт чувствовал её в полной мере.

К вечеру система была готова к первому тесту. Ирма, вытирая пот со лба, объявила, что для пилотного запуска выбран небольшой рейд — группа из трёх человек должна была зачистить логово падальщиков-альф, данж второго уровня. Группа состояла из опытного, но не элитного ветерана и двух новичков. Именно такие рейды обычно заканчивались потерями, потому что ветераны полагались на силу, а новички паниковали.

— Коэффициент на успех без потерь — 1:7, — огласила Ирма, и голос её дрогнул. — Первая честная ставка.

Ученики Арта потянулись к столу. Эл положил небольшой мешочек с монетами. Тим и Лина добавили свои сбережения. Рик, колебавшись, высыпал на стол горсть медяков — всё, что у него было. Другие бывшие клерки последовали их примеру. Никто не ставил много. Это были скорее символические жесты, жесты солидарности. Но для них они значили больше, чем все золотые горы старого Тотализатора.

Рейд начался. Арт, Айла и остальные собрались вокруг общей голографической панели, на которую транслировались данные о продвижении группы. Это не было прямой трансляцией — просто цифры, которые менялись в реальном времени. Уровень здоровья бойцов. Количество убитых мобов. Прделанный путь. Арт смотрел на эти цифры и чувствовал, как внутри него поднимается давно забытое волнение. Не азарт. Не страх. Что-то иное. Сопереживание.

Атака произошла на втором ярусе. Цифры дрогнули. Здоровье новичка упало до критической отметки. Ирма побледнела. Эл сжал кулаки так, что побелели костяшки. Рик закрыл лицо руками.

А потом цифры стабилизировались. Ветеран принял удар на себя, прикрывая новичка. Группа перестроилась и завершила зачистку. Все трое живы.

По залу прокатился вздох облегчения. Ирма опустилась на стул, и по её щекам потекли слёзы. Ученики обнимались. Бывшие клерки пожимали друг другу руки. Арт стоял в стороне, глядя на всё это, и не мог отвести взгляд.

— Первая честная выплата, — произнёс он тихо, обращаясь к самому себе. — Первая ставка, на которой никто не заработал на чужой смерти.

Айла, стоявшая рядом, молча взяла его за руку.

Но не всё было гладко. Уже на следующий день, когда Ирма и её команда готовили второй тестовый рейд, случилось то, чего Арт ожидал, но надеялся избежать. В разгар работы, когда в зале сновали клерки и цифры мелькали на панелях, один из интерфейсов внезапно замерцал красным. Цифры на нём начали искажаться. Коэффициент на успех, который должен был быть 1:5, сначала подскочил до 1:50, а потом рухнул до 1:500.

— Что это? — воскликнула Ирма, бросаясь к панели. — Сбой?

Арт, сидевший в своём углу, мгновенно насторожился. Он не видел интерфейс так, как раньше, но он всё ещё мог читать людей. И сейчас он видел, как двое мужчин в заднем ряду

— бывшие клерки Скольда, которых Ирма взяла на испытательный срок, — переглянулись и начали медленно отступать к выходу.

— Шен, — тихо произнёс Арт.

Разведчик, который всё это время стоял в тени у стены, бесшумно переместился. Никто не заметил его движения. Он просто исчез из одного места и появился в другом — у двери, загораживая путь к бегству.

— Стоять, — произнёс Шен, и его голос был холоден как лёд.

В зале повисла мёртвая тишина. Ирма подбежала к панели и, прочитав логи, побледнела.

— Они... они пытались перенастроить алгоритм на старый лад, — прошептала она. — Подложили скрытый код. Он должен был исказить коэффициенты так, чтобы ставки на успех проигрывали, а ставки на смерть выигрывали. Как раньше.

Арт медленно подошёл к задержанным. Те стояли, втянув головы в плечи, но в их глазах не было раскаяния. Только угрюмая, озлобленная решимость.

— Зачем? — спросил он.

— Потому что это неправильно! — воскликнул один из них. — Тотализатор — это не детский сад! Это оружие! Оно должно приносить прибыль, а не раздавать подачки выжившим! Вы, Архитектор, сами создали его таким! А теперь эти... эти щенки переделывают его в какую-то богадельню!

Арт смотрел на него. На мужчину, который когда-то выполнял его приказы. Который верил в старую философию — философию силы, прибыли, манипуляции. И он видел в нём себя. Того себя, которым он был несколько месяцев назад.

— Уведите их, — произнёс он, обращаясь к Шену. — Пусть их судит Совет.

Шен кивнул и, взяв обоих под руки, вывел их из зала. Когда дверь за ними закрылась, Ирма тяжело выдохнула и опустилась на стул.

— Я... я не уследила, — произнесла она. — Я хотела дать им шанс. Хотела верить, что они исправятся.

— Ты сделала правильно, — ответил Арт. — Ты дала им шанс. Они его не использовали. Это их выбор. Не твоя вина.

Он повернулся к своим ученикам, которые молча наблюдали за происходящим.

— Вы видели это? — спросил он. — Это — цена нового. Старое не уходит добровольно. Оно будет пытаться вернуться. Будет пытаться саботировать, исказить, ломать. Ваша задача — не дать ему этого сделать. Потому что теперь это ваше дело. Ваша система. Ваша ответственность.

Эл кивнул. Его лицо было серьёзным, но решительным.

— Мы справимся, — произнёс он. — Мы не позволим этому повториться.

Часть 3. Эхо старого мира

Прошла неделя. «Тотализатор-феникс» заработал в полную силу. Слухи о новой системе, где можно поставить на выживание рейдовой группы, разнеслись по всему сектору с быстротой лесного пожара. Сначала к Ирме и её команде относились с недоверием. Потом — с любопытством. А потом — с уважением. Потому что система работала. И она работала честно.

Новички, которых раньше никто не брал в рейды из-за отсутствия опыта, теперь могли найти группу, готовую рискнуть ради высокого коэффициента. Ветераны, которым надоело терять товарищей, начали больше времени уделять подготовке и тактике, а не бездумной атаке. Рейды перестали быть кровавой мясорубкой и стали... командной работой. Именно тем, чем они должны были быть с самого начала.

Арт не вмешивался. Он наблюдал.

Однажды вечером, когда сумерки снова сгустились над Пустошами, в башню зашёл старый хроникёр, который вёл летопись событий Пантеона. Это был пожилой человек с длинной седой бородой и подслеповатыми глазами, которые, тем не менее, видели больше, чем многие молодые. Он пришёл без приглашения, но Арт знал его — когда-то, ещё во времена Архитектора, этот хроникёр публиковал отчёты о битвах и резне, не приукрашивая и не осуждая. Просто фиксируя факты.

— Я пришёл показать вам кое-что, — произнёс он, усаживаясь за стол. — Вы, возможно, не знаете этого. Но когда-то, ещё до того, как вы стали Архитектором, я наблюдал за вами.

Арт напрягся. Он не любил, когда кто-то копался в его прошлом.

— Вы были просто аналитиком, — продолжил хроникёр, доставая из сумки потрёпанный свиток. — Вы делали прогнозы. И ваши прогнозы были чертовски точны. Я тогда записывал их — для статистики. И вот, посмотрите.

Он развернул свиток. Там, в столбик, были записаны прогнозы молодого Арта. Прогнозы, которые он делал ещё до того, как создал Тотализатор. До того, как стал манипулировать вероятностями. До того, как начал лгать.

— Видите эту цифру? — спросил хроникёр, указывая на одну из строк. — Это ваш прогноз на рейд «Гнездо виверн». Вы предсказали, что группа выживет в полном составе с вероятностью 23%.

— И? — холодно спросил Арт.

— И сегодня, — продолжил хроникёр, — этот же рейд прошла группа, на которую «Феникс» принимал ставки. Они прошли его без потерь. Вероятность, которую выдала Система на основе загруженных данных Кодекса Слабостей, составила 23%.

В комнате повисла тишина.

— Вы понимаете, что это значит? — спросил хроникёр. — Ваш старый навык, ваш «Анализ слабости», он не был злом. Он просто видел факты. Он видел мир таким, какой он есть — с вероятностями, уязвимостями, рисками. Злом его сделали вы. Или, точнее, то, как вы его использовали. А теперь то же самое знание, та же самая точность, работает на спасение, а не на смерть.

Арт долго молчал. Его лицо было холодным и отстранённым, но внутри него что-то происходило. Не боль. Не радость. Скорее, глубокое, всеобъемлющее осознание. Осознание того, что его инструмент был нейтрален. Нейтрален, как нож. Ножом можно убить. Ножом можно сделать операцию. И одно и то же лезвие может быть и орудием смерти, и орудием спасения. Всё зависело от того, в чьих руках оно находилось.

— Спасибо, — тихо произнёс он. — За то, что показали.

Хроникёр кивнул, свернул свиток и, попрощавшись, ушёл. Арт остался сидеть за столом, глядя в темноту. Айла сидела рядом, и её рука лежала на его плече.

— Ты знал это, — произнесла она. — Ты всегда знал, что твой навык — это просто инструмент.

— Знал, — ответил Арт. — Но одно дело знать. Другое — увидеть. Увидеть чёрным по белому, что всё, что я делал, можно было делать иначе. Что я мог спасать, а не убивать. Мог учить, а не манипулировать. Мог...

Он не закончил фразу. Айла нежно сжала его плечо.

— Ты делаешь это сейчас, — произнесла она. — Этого достаточно. Это больше, чем достаточно.

Глубокой ночью, когда все в башне уже спали, на пороге бесшумно возник Шен. Он не стучал — он никогда не стучал. Арт, сидевший у очага, даже не вздрогнул. Он уже привык к манере разведчика появляться из ниоткуда.

— Пришёл попрощаться? — спросил Арт, не оборачиваясь.

— Нет, — ответил Шен. — Пришёл сказать спасибо.

Арт повернулся и посмотрел на него с удивлением. Шен не был человеком, который говорит «спасибо». Шен вообще не был человеком, который говорит.

— За что?

Вместо ответа разведчик положил на стол маленький жетон, вырезанный из кости. На нём был выгравирован символ — птица с распростёртыми крыльями, восстающая из пламени.

— Кира дала, — пояснил Шен. — Сказала, это на удачу. Я не верю в удачу. Но я верю в статистику. И статистика говорит, что группы, которые участвуют в «Фениксе», выживают в полтора раза чаще. Это хорошая статистика.

Он помолчал, затем добавил:

— Я наблюдал за вами, когда вы были Архитектором. Я видел, как вы манипулировали, обманывали, убивали. Я видел, как вы разрушали. И я думал: вот человек, который не может созидать. Вот человек, который умеет только ломать. — Он сделал паузу. — Я ошибался.

Шен развернулся и направился к выходу. У двери он остановился и, не оборачиваясь, произнёс:

— То, что сейчас происходит на месте вашего старого Тотализатора — это созидание. Настоящее. Я рад, что ошибался.

И прежде чем Арт успел что-то ответить, разведчик исчез в темноте, растворившись без следа. Арт взял в руки жетон. Птица, вырезанная грубо, но старательно, смотрела на него с распростёртыми крыльями. Он сжал его в ладони и почувствовал странное, почти забытое тепло. Тепло надежды.

На следующий день, когда Арт и Айла вернулись в башню после долгого дня в госпитале, их ждала новость. Ирма лично пришла к ним — на этот раз не с чертежами, а с письмом. Письмо было от Совета Форпоста. Официальное. С печатью Корда и подписью Марты.

Арт развернул его и прочитал. Он читал медленно, а Айла заглядывала ему через плечо. Когда он закончил, они долго молчали.

— Что там? — спросил Рик, не выдержав неизвестности.

Арт протянул ему письмо, и юноша прочитал его вслух:

— «Совет офицеров Разрушенного Форпоста, рассмотрев деятельность „Тотализатора-феникс“, постановляет: одобрить инициативу как общественно полезную. Тотализатор переходит под совместный патронаж Совета и его основателей. Совет также просит бывшего Архитектора, если он сочтёт возможным, воздержаться от прямого вмешательства в деятельность новой системы, дабы она могла развиваться независимо...»

Рик замолчал и поднял глаза на Арта. В них было непонимание.

— Они... они просят вас не вмешиваться?

— Они просят меня дать им свободу, — ответил Арт, и в его голосе не было ни горечи, ни обиды. — Это правильно. Система, которая зависит от одного человека, умирает вместе с ним. Они хотят построить то, что переживёт нас всех. То, что будет работать без Архитектора. Без меня.

— И вы согласитесь? — спросила Лина.

Вместо ответа Арт взял со стола письмо, аккуратно сложил его и убрал в карман.

— Я согласен, — просто произнёс он.

Айла посмотрела на него долгим взглядом. Она знала его лучше всех. Она знала, сколько ему стоило это решение. И она знала, что он делает его не из слабости, а из силы. Не из капитуляции, а из освобождения.

Вечером, когда последние лучи серого света угасли за окном, Арт и Айла стояли на пороге башни, глядя в сторону далёких огней Форпоста. Ученики уже разошлись по своим делам. Госпиталь был закрыт. И в тишине наступающей ночи было что-то похожее на покой.

Незаметно к ним подошёл Эл. Он кашлянул, привлекая внимание, и, робея, протянул Арту свёрнутый в трубочку пергамент.

— Это... это отчёт, — пробормотал он. — Первый отчёт о работе «Феникса». Я подумал, что вы, возможно, захотите прочитать. Даже если не вмешиваетесь. Просто чтобы знать, как идут дела.

Арт взял свиток. Он развернул его и пробежался глазами по строчкам. Цифры. Коэффициенты. Ставки. Смертность по сектору за последнюю неделю снизилась на 14%. Количество успешных рейдов без потерь выросло на 22%. Всё это было изложено сухим, деловым языком, но для Арта эти цифры звучали как музыка.

Он поднял глаза на Эла. На этого молодого человека, который когда-то пришёл к нему с умирающей подругой на руках и дрожащим голосом просил научить его выживать. Теперь этот человек стоял перед ним — и он больше не дрожал. В его глазах была уверенность. Спокойная, зрелая уверенность человека, который знает, что делает.

— Ты написал это сам? — спросил Арт.

— Да. Ирма помогала с цифрами, но текст — мой.

Арт свернул свиток и вернул его Элу.

— Хорошая работа, — произнёс он. — Продолжай.

Эл улыбнулся — широко, искренне, почти по-детски — и, попрощавшись, убежал в сторону своего временного жилища. Арт смотрел ему вслед, и Айла заметила, как его губы тронула слабая, почти незаметная улыбка.

— Ты гордишься им, — сказала она.

— Им, — подтвердил Арт. — Ими всеми. Тем, что они делают. Тем, кем они стали. — Он помолчал. — Знаешь, когда я был Архитектором, я думал, что моё наследие — это империя. Власть. Страх. А теперь... теперь я понимаю, что моё наследие — вот это. Они. И то, что они построили без меня.

Он обнял Айлу за плечи и притянул к себе. Она положила голову ему на плечо. Они стояли так долго, глядя на далёкие огни Форпоста, где в старом здании Канцелярии продолжала работать новая система. Система, которая была основана на знании, а не на обмане. На выживании, а не на смерти. На честности, а не на манипуляции.

В этот момент для Арта завершился ещё один цикл. Старый Тотализатор, оружие Архитектора, перестал существовать окончательно. На его месте восстал из пепла новый — Феникс. И этот Феникс больше не принадлежал ему. Он принадлежал всем.

И это было самое большое облегчение, которое Арт когда-либо испытывал в своей жизни.

Глава 4. Чума

Часть 1. Переносчик

Первые признаки беды всегда кажутся случайностью. Так устроен этот мир — он не предупреждает, не посылает знамений, не даёт времени подготовиться. Он просто обрушивает на тебя реальность, а ты либо справляешься, либо умираешь. Истина, которую Арт усвоил давным-давно и которая сейчас, когда он стоял у операционного стола в своём маленьком госпитале, снова подтверждалась.

Пациент поступил под вечер. Его принесли двое охотников — молодые парни, едва за двадцать, с обветренными лицами и руками, привыкшими держать оружие. Они ввалились в башню без стука, тяжело дыша, и с порога выкрикнули имя Айлы. Их третий товарищ, лежавший на импровизированных носилках из двух копий и плаща, был плох. Очень плох.

Арт, сидевший у очага с очередной порцией трав для просушки, поднялся и подошёл ближе. Айла уже была на ногах — она всегда реагировала быстрее, чем он, словно её тело было настроено на частоту чужой боли. Она склонилась над раненым, быстрыми движениями ощупала его лоб, шею, запястья.

— Что с ним? — спросила она, не поднимая головы.

— Не знаем, госпожа, — ответил один из охотников, тот, что постарше. Его голос дрожал. — Три дня назад вернулись из рейда. Всё было нормально. А вчера у него начался жар. Думали, простуда. А сегодня утром он уже не вставал. И вот это... — он указал на руку товарища.

Арт перевёл взгляд. На предплечье пациента, чуть выше запястья, виднелась небольшая царапина — такие оставляют когти падальщиков или острые ветки в Пустошах. Ничего серьёзного. Но кожа вокруг неё была неестественного, серо-зелёного оттенка, а от самой раны расходились тонкие, почти невидимые линии, напоминавшие паутину. Они пульсировали слабым, едва заметным свечением.

Айла ничего не сказала. Она просто взяла скальпель и сделала крошечный надрез рядом с раной. Пациент, который до этого лежал без сознания, вдруг закричал — пронзительно, дико, словно его резали без наркоза. Его тело выгнулось дугой, и Арту пришлось навалиться на него всем весом, чтобы удержать на столе. Даже с его ослабленным телом это потребовало усилий.

— Держи его, — процедила Айла, не отрываясь от работы.

Она исследовала рану несколько минут. Потом выпрямилась, стянула перчатки и бросила их в таз с грязной водой. Её лицо было холодным и отстранённым — той самой маской профессионала, которую она всегда надевала в критических ситуациях. Но Арт знал её достаточно хорошо, чтобы заметить: её пальцы дрожали. Едва заметно, почти неуловимо, но дрожали.

— Я не знаю, что это, — произнесла она тихо, так, чтобы слышал только он. — Это не яд. Не инфекция. Не проклятие. Я ничего не понимаю.

Это были слова, которых Арт никогда раньше не слышал от неё. Айла всегда знала. Всегда. Даже в самых безнадёжных случаях она находила решение — пусть рискованное, пусть

временное, но решение. А сейчас она стояла над пациентом с пустыми руками и пустым взглядом, и это пугало больше, чем любые раны.

Они боролись за жизнь охотника всю ночь. Айла перепробовала всё, что у них было: антитоды от яда костяных ползунов, настойку из огненного мха против инфекций, даже остатки регенератора — того самого, который она берегла для крайнего случая. Ничего не помогало. Зеленоватый налёт на ране расползлся всё дальше, захватывая новые участки кожи, и к утру охотник умер.

Когда его тело, накрытое грубой тканью, вынесли во двор для подготовки к погребению, Айла села на стул у стены и долго молчала. Арт не пытался её утешить — он знал, что это бесполезно. Он просто сел рядом, взял её за руку и держал так, пока она не заговорила.

— Я никогда не видела ничего подобного, — произнесла она, не глядя на него. — Эта штука... она ведёт себя как живая. Как паразит. Но она не реагирует ни на одно известное мне средство. Я резала, прижигала, травила — ей всё равно. Она просто... расползается.

— Мы найдём способ, — тихо ответил Арт.

— Ты не понимаешь. — Она повернулась к нему, и в её глазах он увидел то, чего не видел никогда раньше. Страх. Не за себя — за других. За тех, кого она не сможет спасти. — Если это заразно... если таких будет больше... мы не справимся. У нас нет ресурсов. Нет магии. Нет ничего.

Арт не нашёлся, что ответить. Он просто продолжал держать её за руку и надеялся, что этого будет достаточно.

Следующие несколько дней прошли в тревожном ожидании. Новых больных не поступало, и Арт почти убедил себя, что случай был единичным. Почти. Где-то в глубине сознания, в том самом месте, где раньше пульсировал его навык, а теперь царила пустота, он чувствовал: это не конец. Это начало.

И он оказался прав.

На пятый день, когда серый сумрак над Пустошами только начинал сгущаться, в башню бесшумно проскользнул Шен. Он появился из темноты, как всегда, без предупреждения, и одного взгляда на его лицо — напряжённое, с плотно сжатыми губами — было достаточно, чтобы Арт всё понял.

— В городе, — коротко произнёс разведчик. — Эпидемия.

Он рассказал то, что знал. В Разрушенном Форпосте за последние два дня поступило больше сорока больных с теми же симптомами: жар, бред, зеленоватый налёт на ранах. Лазареты переполнены. Маги Совета, включая Киру и её гильдию, пытаются лечить заклинаниями исцеления — бесполезно. Болезнь не поддаётся магии. Паника нарастает. Корд ввёл чрезвычайное положение и стянул войска к центру города. Марта пытается координировать действия целителей, но без понимания источника всё это — борьба с ветряными мельницами.

Айла слушала Шена молча. Когда он закончил, она повернулась к Арту. Их взгляды встретились, и в этот момент между ними произошёл тот самый безмолвный разговор, который был возможен только после месяцев, проведённых вместе. Никаких слов. Только понимание.

— Мы идём в город, — произнёс Арт.

— Да, — ответила она.

Они выдвинулись немедленно. Арт опирался на свою старую трость — ту самую, с облезлой корой и протёртой рукоятью, — и его шаг был неровным, припадающим на левую ногу. Каждый шаг отдавался тупой болью в бедре, но он не обращал на это внимания. Боль стала его постоянным спутником, и он почти привык к ней.

Разрушенный Форпост встретил их тишиной. Это была не та спокойная тишина, что царит ночью в спящем городе. Это была тишина страха. Улицы, обычно шумные и полные суеты, опустели. Торговые ряды, где днём кипела жизнь, стояли заброшенными — лавки закрыты, навесы сорваны. Лишь кое-где у дверей домов виднелись небольшие группы людей, жавшихся друг к другу и бросавших испуганные взгляды на прохожих. А прохожих почти не было — только патрули ополченцев, которые двигались по мостовым с факелами в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.